

По делу «Сысоева и другие заявители против Латвии»

Европейский Суд по правам человека¹ в ходе заседания Большой Палаты в составе:

г-на Л. Вильдхабера,
Председателя Большой Палаты,

г-на Ж.-П. Коста,
сэра Николаса Братца,
г-на Б. Зупанчича,
г-на И. Кабрал Баррето,
г-на Р. Тюрмэна,
г-на К. Бирсана,
г-на К. Юнгвирта,
г-на В. Буткевича,
г-на М. Пеллонпаа,
г-на М. Угрехелидзе,
г-жи А. Муларони,
г-жи Э. Фура-Сандрём,
г-жи Р. Йегер,
г-на Дэвида Тора Бьоргвинссона,

г-на Д. Поповича, *судей,*
г-жи Я. Бриеде, *судьи ad hoc*²,

а также при участии г-на М. О'Бойла, *заместителя Секретаря Секции Суда,* проведя совещание по делу за закрытыми дверями 23 мая 2006 г. и 11 октября 2006 г., вынес 11 октября 2006 г. следующее постановление:

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «СЫСОЕВА И ДРУГИЕ ЗАЯВИТЕЛИ ПРОТИВ ЛАТВИИ»

(жалоба № 60654/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

15 января 2007 г.

Настоящее постановление вступило в силу, но в него могут быть внесены редакционные изменения.

статьи 36 Конвенции, были представлены в Суде Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, г-ном П. Лаптевым.

3. Заявители утверждают, в частности, что отказ латвийских властей легализовать их пребывание в Латвии, несмотря на то, что они уже долгое время проживают в этой стране, является нарушением их права на уважение их личной и семейной жизни, предусмотренного статьей 8 Конвенции.

4. Жалоба была передана в производство Второй Секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда).

1 ноября 2001 г. Европейский Суд изменил состав своих секций (пункт 1 правила 25 Регламента Европейского Суда). Дело было передано вновь образованную Первую Секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). Внутри этой Секции

на основании пункта 1 правила 26 Регламента Европейского Суда была образована Палата для рассмотрения настоящего дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции).

5. Решением от 28 февраля 2002 г. Палата Суда объявила настоящую жалобу приемлемой для рассмотрения по существу в отношении Светланы Сысоевой, Аркадия Сысоева и Аксаны Сысоевой. Жалобы Татьяны Визуле были отклонены как явно необоснованные.

6. В письме от 11 апреля 2002 г. заявители сообщили Европейскому Суду о том, что первая заявительница была допрошена полицией по поводу жалобы, которую они подали в Европейский Суд. Поэтому заявители обратились к Суду с ходатайством указать государству-ответчику на необходимость принятия обеспечительных мер согласно правилу 39 Регламента Европейского Суда. 30 мая 2002 г. Палата Суда решила не применять правило 39 Регламента Европейского Суда, а предложить государству-ответчику представить свои замечания по вопросу о том, имело ли место нарушение требований последнего предложения статьи 34 Конвенции.

7. И заявители, и государство-ответчик в письменной форме представили в Суд свои замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда), а затем и ответы на замечания друг друга. В дополнение к этому, замечания были получены от властей Российской

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 60654/00) против Латвийской Республики, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) четырьмя лицами русского происхождения — Светланой Сысоевой, Аркадием Сысоевым, Татьяной Визуле и Аксаной Сысоевой (*далее* — заявители) 29 августа 2000 г.
2. Интересы заявителей, которым по решению Европейского Суда были компенсированы расходы по оказанию юридической помощи, представлял в Суде г-н В. Портнов, юрист, практикующий в г. Москве. 28 ноября 2006 г. он уведомил Суд о том, что не будет больше представлять интересы заявителей по делу. Власти Латвийской Республики были представлены в Суде Уполномоченным Латвийской Республики при Европейском Суде по правам человека, г-жой И. Рейне. Власти Российской Федерации, использовавшие свое право вступить в производство по делу в качестве третьей стороны на основании пункта 1

От редакции: по делу заявители — бывшие граждане Советского Союза, которые приехали в Латвию после 1940 года и остались проживать на ее территории после восстановления 4 мая 1990 г. Латвийской Республики — жаловались в Европейский Суд на то, что отказ латвийских властей легализовать их пребывание в Латвии, несмотря на то, что они уже долгое время проживают в этой стране, является нарушением их права на уважение их личной и семейной жизни, предусмотренного статьей 8 Конвенции. 16 июня 2005 г. Палата Европейского Суда вынесла постановление о том, что заявители вправе претендовать на статус жертв нарушения Конвенции для целей применения положений статьи 34 Конвенции, что в деле имело место нарушение требований статьи 8 Конвенции со стороны латвийских властей, но при этом государство-ответчик не нарушило своих обязательств по статье 34 Конвенции. Палата Суда решила присудить каждому из трех заявителей по пять тысяч евро в качестве компенсации причиненного им морального вреда. 16 сентября 2005 г. государство-ответчик ходатайствовало о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты. Аргументы государства-ответчика сводились к тому, что меры, принятые латвийскими властями для легализации пребывания заявителей в Латвии, являются якобы достаточными для того, чтобы считать спор между сторонами разрешенным и исключить жалобу из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом. Большая Палата — в отличие от предыдущего постановления Палаты Суда — решила, что заявители не могут претендовать на статус жертв нарушения Конвенции, и исключила жалобу в части, касающейся статьи 8 Конвенции, из списка подлежащих рассмотрению дел. Тем самым Европейский Суд изменил свой прецедентный подход в вопросе о том, в каких случаях заявитель утрачивает статус «жертвы» нарушения Конвенции для целей применения статьи 34 Конвенции.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

² Ad hoc (лат.) — для данного специального случая: согласно Регламенту Европейского Суда судья ad hoc — лицо, не являющееся избранным судьей, предложенное Высокой Договаривающейся Стороной согласно пункту 2 статьи 27 Конвенции в качестве члена Большой Палаты или Палаты Суда (*примечание редакции*).

- Федерации, использовавших свое право вступить в производство по делу в качестве третьей стороны (пункт 1 статьи 36 Конвенции и правило 44 Регламента Европейского Суда).
8. Слушания по делу были проведены публично во Дворце прав человека в г. Страсбурге 19 сентября 2002 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда). В тот же день Палата Суда объявила приемлемой для рассмотрения по существу дополнительную жалобу заявителей, основанную, по сути, на последнем предложении статьи 34 Конвенции.
9. Поскольку место судьи от Латвийской Республики было не занято, 7 октября 2004 г. Председатель Палаты Суда предложил государству-ответчику сообщить, намерено ли оно назначить для участия в слушании дела в качестве судьи другого избранного судью или в качестве судьи *ad hoc* какое-либо иное лицо, удовлетворяющее требованиям, которые предъявляются пунктом 1 статьи 21 Конвенции. Письмом от 8 ноября 2004 г. государство-ответчик назначило судьей *ad hoc* г-жу Я. Бриедю (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29 Регламента Европейского Суда).
10. 29 марта 2005 г. Председатель Палаты Суда сообщил представителям государства-ответчика о решении Европейского Суда не приобщать к материалам дела дополнительные замечания, переданные по факсу 22 марта 2005 г., на основании того, что государство-ответчик представило их в Суд с нарушением установленных сроков подачи письменных замечаний по делу (пункт 1 правила 38 Регламента Европейского Суда).
11. 16 июня 2005 г. Палата Первой Секции Суда в составе г-на Х.Л. Розакиса, *Председателя Палаты Суда*, г-жи Ф. Тюлькенс, г-жи Н. Вайич, г-на А. Ковлера, г-на В. Загребельского и г-жи Э. Штейнер, *судей*, г-жи Я. Бриедю, *судьи ad hoc*, и г-на С. Нильсена, *Секретаря Секции Суда*, вынесла постановление, в котором пришла к выводу, что заявители могут претендовать на статус жертв для целей статьи 34 Конвенции (пятью голосами «за» и двумя голосами «против»); что в деле властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (пятью голосами «за» и двумя голосами «против») и что государство-ответчик не нарушило своих обязательств по статье 34 Конвенции (шестью голосами «за» и одним голосом «против»). Палата Суда также решила (пятью голосами «за» и двумя голосами «против») присудить каждому из трех заявителей по пять тысяч евро в качестве компенсации причиненного им морального вреда. К постановлению прилагалось частично особое мнение¹ г-на А. Ковлера и совместное особое мнение г-жи Н. Вайич и г-жи Я. Бриедю.
12. 16 сентября 2005 г. государство-ответчик ходатайствовало о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты на основании статьи 43 Конвенции. 30 ноября 2005 г. коллегия в составе пяти членов Большой Палаты удовлетворила это ходатайство.
13. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда. 3 мая 2006 г. г-н И. Кабрал Баррето, запасной судья, заменил г-на Х.Л. Розакиса, который не смог принять участия в дальнейшем рассмотрении дела (пункт 3 правила 24 Регламента Европейского Суда). Аналогичным образом 4 октября 2006 г. г-н М. Пеллонпаа, запасной судья, заменил г-на Л. Кафлиша.

14. Слушания по делу были проведены публично во Дворце прав человека в г. Страсбурге 24 мая 2006 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Европейского суда приняли участие:

(а) *от властей Латвии:*

г-жа И. Рейне, *Уполномоченный Латвийской Республики при Европейском Суде по правам человека*,
г-жа С. Каулиня, *адвокат*,
г-жа М. Звауне,
г-н К. Аболиньш, *советники*;

(b) *от заявителей:*

г-н В. Портнов,
г-жа Г. Нилус, *представители заявителей*,
г-жа Ю. Борисова,
г-жа М. Самсонова, *советники*;

(с) *от властей Российской Федерации:*

г-н П. Лаптев, *Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека*,
г-н Ю. Берестнев,
г-н Д. Спиринов, *адвокаты*,
г-н М. Виноградов, *советник*.

Европейский Суд заслушал выступления г-на В. Портнова, г-жи Г. Нилус, г-жи И. Рейне и г-на П. Лаптева.

15. Власти Латвии в письменной форме представили ответы на дополнительные вопросы, которые некоторые судьи задали на слушаниях дела, 15 июня 2006 г., а заявители сделали это 4 июля 2006 г.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

16. Заявителями по настоящему делу являются состоящие в браке Светлана Сысоева, 1949 года рождения (первая заявительница), и Аркадий Сысоев, 1946 года рождения (второй заявитель), а также их дочь Аксана Сысоева, 1978 года рождения (третья заявительница). Второй заявитель и третья заявительница — граждане Российской Федерации, в то время как первая заявительница является лицом без гражданства. Все трое заявителей проживают в г. Алуksне (Латвия).
17. Первая заявительница поселилась в Латвии в 1969 году, а второй заявитель — в 1968 году. В то время территория Латвийской Республики являлась частью территории Советского Союза. Второй заявитель, являвшийся в то время военнослужащим Вооруженных Сил СССР, находился в Латвии до окончания срока своей службы в ноябре 1989 г. Третья заявительница и ее старшая сестра Татьяна Визуле родились на территории Латвии.
18. После распада Советского Союза и обретения Латвией независимости в 1991 году заявители, ранее являвшиеся гражданами Советского Союза, стали лицами без гражданства.
- В августе 1993 г. Татьяна Визуле вышла замуж за гражданина Латвии. У нее двое несовершеннолетних детей, имеющих латвийское гражданство.

¹ Согласно правилу 74 («Содержание постановления») Регламента Европейского Суда каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, имеет право приложить к постановлению Суда свое отдельное мнение, совпадающее с мнением большинства, либо отдельное особое мнение, либо просто свое «заявление о несогласии». Совпадающим мнением [concurring opinion] называют мнение, которое совпадает с мнением большинства по существу дела, но расходится в вопросах его обоснования (*примечание редакции*).

А. Первое судебное разбирательство, относящееся к вопросу о легализации пребывания заявителей в Латвии

19. В 1993 году первая заявительница и второй заявитель обратились в Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Латвии [*Iekšlietu ministrijas Pilsonības un imigrācijas departaments*] (далее — ДГМ) с просьбой предоставить им статус постоянных жителей Латвии и внести их в реестр жителей Латвийской Республики [*Latvijas Republikas Iedzīvotāju reģistrs*], однако 19 июня 1993 г. ДГМ выдал им лишь разрешения на временное проживание.
20. После этого первая заявительница и второй заявитель подали иск в Суд первой инстанции Алуксненского района, добиваясь того, чтобы он отдал распоряжение ДГМ внести их в реестр жителей Латвии в качестве лиц, постоянно проживающих в этой стране. Решением, вынесенным 28 октября 2003 г. по окончании разбирательства дела на основе принципа состязательности, суд удовлетворил их требования. Данное решение было обжаловано по вопросам права, но 8 декабря 1993 г. вышестоящий суд оставил его без изменений. Суд первой инстанции счел, что по действовавшему на тот момент законодательству положение, в котором находился второй заявитель, увлывшийся с действительной военной службы до 4 мая 1990 г., то есть до того, как Латвия провозгласила свою независимость, нельзя приравнивать к положению нелатвийского военнослужащего, временно пребывавшего на территории Латвии, который имел бы право получить лишь разрешение на временное проживание. Впоследствии ДГМ внес всех заявителей по настоящему делу в реестр жителей Латвии.

В. Второе судебное разбирательство, относящееся к вопросу об аннулировании выданных заявителям разрешений на временное проживание

21. Тем временем в январе 1992 г. первая заявительница и второй заявитель получили по два паспорта бывшего Советского Союза и поэтому смогли зарегистрироваться по месту жительства в г. Ижевске (Россия) несмотря на то, что у них уже была латвийская прописка [*pietaksts*] (регистрация по месту жительства [*dzīvesvietas reģistrācija*]). ДГМ стало известно об этом лишь в 1995 году.
22. Решениями от 3 ноября 1995 г. и от 1 декабря 1995 г. полиция г. Алуксне решила не возбуждать в отношении заявителей уголовного дела по факту использования ими поддельных документов, удостоверяющих личность. Тем не менее ДГМ наложил на них административный штраф в размере 25 латов (около 40 евро) за нарушение законодательства, регламентирующего порядок выдачи и использования паспортов. Также ДГМ обратился в Суд первой инстанции Алуксненского района с просьбой возобновить производство по делу по вновь открывшимся обстоятельствам, утверждая, что первая заявительница и второй заявитель вели себя как мошенники. ДГМ также отметил, что в 1995 году третья заявительница последовала примеру своих родителей и сестры, получив два паспорта и зарегистрировавшись по месту жительства и в России, и в Латвии.
23. Постановлением от 28 мая 1996 г. Суд первой инстанции Алуксненского района, решая вопрос о возобновлении производства по делу, удовлетворил просьбу ДГМ, отменил свое собственное решение от 28 октября 1993 г. и распорядился исключить имена заявителей из реестра жителей Латвии. Первая заявительница и второй заявитель обжаловали это решение в Видземский окружной суд, который постановлением от 3 июня 1997 г. отменил

решение, о котором идет речь, и вернул дело в Суд первой инстанции Алуксненского района на новое рассмотрение.

24. В 1996 году второй заявитель и третья заявительница ходатайствовали о предоставлении им российского гражданства. Их ходатайство было удовлетворено, и 8 августа 1996 г. посольство России в Латвии выдало им паспорта Российской Федерации.
- В марте 1998 г. третья заявительница, достигшая к тому времени совершеннолетия, вступила в производство по делу в Суде первой инстанции Алуксненского района в качестве одной из сторон.
25. В письме от 15 мая 1998 г. совместный комитет по исполнению соглашения между Правительством Латвийской Республики и Правительством Российской Федерации по вопросам социальной защиты членов их семей, проживающих на территории Латвийской Республики (далее — соглашение между Россией и Латвией; см. ниже, пункт 53 настоящего постановления), обратился в Управление по делам гражданства и миграции Министерства внутренних дел Латвии [*Iekšlietu ministrijas Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde*] (далее — УГМ), в которое был преобразован ДГМ, с просьбой выдать заявителям виды на жительство на основании того, что по вышеуказанному соглашению они имеют право оставаться в Латвии. Во втором письме, отправленном в тот же день, совместный комитет сообщил Суду первой инстанции Алуксненского района о том, что первая заявительница не имеет гражданства России или какого-либо другого государства.
26. В июле 1998 г. заявители подали еще один иск в Суд первой инстанции. В совместно поданном меморандуме они доказывали, что, поскольку второй заявитель и третья заявительница имеют российское гражданство, у них есть право на получение видов на жительство на основании соглашения между Россией и Латвией. Первая заявительница, являясь лицом без гражданства, утверждала, что она вправе получить статус «постоянно проживающего в стране негражданина [*nepilsonis*]» по Закону «О статусе граждан бывшего Советского Союза, не имеющих гражданства Латвии или другого государства» (далее — Закон о негражданах; см. ниже, пункт 47 настоящего постановления).
27. В суде заявители не пытались отрицать, что они действительно совершили те действия, в которых их обвиняли ДГМ и УГМ, однако обращали внимание на то, что эти действия нарушали лишь российские законы и поэтому никак не затрагивают их права в Латвии.
28. Своим решением от 28 июля 1998 г. Суд первой инстанции Алуксненского района удовлетворил ходатайство, поданное заявителями, отметив, что они на законных основаниях прописаны (зарегистрированы по месту жительства) в г. Алуксне с 1970 года и с тех пор постоянно там проживали. По мнению суда, получение заявителями вторых паспортов и их регистрация в России являлись незаконными действиями, не имеющими юридической силы, и поэтому они никак не повлияли на правовой статус заявителей в Латвии. Суд также отметил, что второй заявитель внесен в список российских военных пенсионеров и имеет право оставаться в Латвии. Этот список был составлен совместно двумя государствами в соответствии с соглашением между Россией и Латвией. Поэтому суд решил, что первая заявительница как «постоянно проживающий в стране негражданин» вправе подать заявление с просьбой о выдаче паспорта, а второй заявитель и третья заявительница вправе получить виды на жительство.

29. УГМ обжаловало это решение в Видземский окружной суд. Решением от 15 июня 1999 г. окружной суд отклонил жалобу УГМ, согласившись с выводами суда первой инстанции и с мотивами, которыми он руководствовался.
30. Затем УГМ обжаловало решение по вопросам права в Сенат Верховного суда Латвии. Решением от 15 сентября 1999 г. Сенат отменил решение окружного суда, объявив его недействительным. Сенат пришел к выводу, что негласное получение двух паспортов, регистрация по месту жительства в двух разных странах, сокрытие вторых паспортов и предоставление властям ложных сведений при подаче ходатайства о легализации пребывания на территории Латвии являются серьезными нарушениями латвийского законодательства об иммиграции. Также Сенат сослался на пункт 5 части 3 статьи 1 Закона о негражданинах, предусматривающий, что статус «постоянно проживающего в стране негражданина» не может быть предоставлен лицам, которые по состоянию на 1 июля 1992 г. зарегистрировались по постоянному месту жительства в одном из государств Содружества Независимых Государств (в их число входит и Россия). Сенат счел, что это положение полностью применимо в деле заявителей.
31. Сенат также отметил, что решение Суда первой инстанции Алуксненского района от 28 октября 1993 г. впоследствии было отменено при возобновлении производства по делу, и, таким образом, не стало никаких правовых оснований для внесения заявителей в реестр жителей Латвии. Сенат пришел к выводу, что второй заявитель и третья заявительница, не удовлетворяя требованиям Закона «О въезде и пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства в Латвийской Республике» (*далее* — Закон об иностранцах; см. ниже, пункт 50 настоящего постановления), также не имеют права на получение видов на жительство. Поэтому Сенат отменил судебное решение от 15 июня 1999 г. и вернул дело в суд второй инстанции для нового рассмотрения.
32. По процессуальным основаниям дело было передано в Латгальский окружной суд, который решением от 10 января 2000 г. отклонил ходатайство заявителей, согласившись с доводами, приведенными Сенатом. В отличие от совместного комитета России и Латвии, окружной суд счел, что первая заявительница имеет российское гражданство согласно Закону «О гражданстве Российской Федерации». В отношении второго заявителя суд счел: если лицо фигурирует в списке военных пенсионеров, это лишь подтверждает, что данный человек действительно живет в Латвии и получает российскую военную пенсию, но никоим образом не дает права ему на получение вида на жительство.
33. Решением от 12 апреля 2000 г. Сенат Верховного суда Латвии отклонил жалобу заявителей, поданную по вопросам права, согласившись, по существу, с доводами окружного суда.
34. В письме от 17 мая 2000 г. и в письме от 26 июня 2000 г. УГМ напомнило заявителям о необходимости покинуть территорию Латвии.

С. Допрос первой заявительницы латвийской полицией безопасности

35. Утром 6 марта 2002 г. первую заявительницу, Светлану Сысоеву, вызвали в окружное управление латвийской полиции безопасности [*Drošības policija*]. Сотрудник полиции безопасности задал ей множество вопросов, причем некоторые из них относились к жалобе, которую она подала в Европейский Суд, и к ее интервью по этому поводу журналистам российского телеканала. В частности, полиция спрашивала первую заявительницу о том, как российские журналисты вступили с ней в контакт, как

она узнала о возможности подать индивидуальную жалобу в Европейский Суд, как она нашла адвокатов для представительства своих интересов в Суде и как ей стало известно, что некоторые люди дали взятки должностным лицам УГМ с целью получения видов на жительство в Латвии. Кроме того, сотрудник полиции задал ей несколько вопросов о ее профессиональной карьере и о членах ее семьи.

36. Беседа первой заявительницы и сотрудника полиции, согласно тому, как заявительница восстановила ее по памяти, и запись которой отравила своим адвокатам 4 апреля 2002 г., протекала следующим образом:

«Сотрудник полиции: Как вас нашел телеканал «ОРТ»?

Заявительница: Они нам звонили в ноябре [и в] декабре. Тогда мы отказались встречаться с ними, но эти ищевки, журналисты, всегда добиваются своего.

Сотрудник полиции: А потом?

Заявительница: Они позвонили из Риги и сказали, что хотят с нами встретиться и поговорить. Я согласилась. Они хотели поговорить с несколькими [людьми], которые обратились в суды.

Сотрудник полиции: Когда они позвонили?

Заявительница: Это было вечером в субботу, около 10 часов. Они зашли к нам в воскресенье, примерно в половине четвертого. Если вы [тоже] хотите к нам зайти, милости просим. Мы всегда рады гостям.

Сотрудник полиции: Вы сказали, что вы решили пойти до Европейского Суда, так?

Заявительница: Да. У нас было четырнадцать судебных разбирательств; мы отстаивали свою позицию [снова и снова] и в конце концов обратились в Европейский Суд из-за ответственных должностных лиц [УГМ]. Они воспринимали все это как игру с целью выдворить нас из страны, а мы хотели доказать свою правоту. [Их] позиция по отношению к нам была основана на предубеждении: мы не нарушали в Латвии никаких законов.

Сотрудник полиции: Как и где вы узнали, что вы можете обратиться в Европейский Суд?

Заявительница: Вопрос о легализации нашего пребывания на территории Латвии несколько раз обсуждался трехсторонним совместным комитетом. Мы обратились в Комитет по правам человека. У нас были адвокаты. Представители Министерства внутренних дел и [УГМ] сказали нам на последнем совещании, что у них нет возражений или обвинений по отношению к нам и что все будет хорошо. К сожалению, пока что они не выполняют своих обещаний. Комитет посоветовал нам подать жалобу в Европейский Суд на чрезмерную продолжительность производства по делу, если спор не будет урегулирован.

Сотрудник полиции: А как вы нашли этих адвокатов?

Заявительница: С помощью юристов службы социального обеспечения, где мы стояли на учете.

Сотрудник полиции: Возможно, ваши адвокаты угрожали вам, говорили, что если вы не расскажете о вашем деле «ОРТ», то они прекратят работать с вами?

Заявительница: Чепуха. Они сказали нам никому ничего не рассказывать без их согласия, даже «ОРТ» <...>

Сотрудник полиции: Вы сказали, что с заявлениями в суд обратилось более сорока человек?

Заявительница: Да. На самом деле даже больше: я имела в виду сорок семей. Мы все прошли через суды: некоторые из нас один раз, некоторые два, а некоторые даже три раза. Многие решили свои проблемы с помощью взяток.

Сотрудник полиции: Как вы об этом узнали?

Заявительница: Мы все находились в одинаковом положении и помогали друг другу. Мы часто говорили друг другу, что если у кого-то есть деньги, то ему лучше заплатить, чтобы

избежать судебного разбирательства. [Заявительница после этого привела пример двух семей, чей статус был легализован после того, как они дали взятки должностным лицам УГМ; она назвала имя одного из получателей взятки.]

Сотрудник полиции: А почему вы не пришли к нам?

Заявительница: Мы не знали, что вы можете нам помочь.

Сотрудник полиции: Откуда вам стало известно, что с заявлениями в суд обратилось сорок человек?

Заявительница: На самом деле даже больше. У нас у всех было множество проблем. [Заявительница подробно остановилась на пяти конкретных случаях, касающихся легализации статуса лиц, которые находились практически в такой же ситуации, что и она сама].

Сотрудник полиции: Что думает об этом деле ваш муж?

Заявительница: Он поддерживает [меня]: а вы бы что делали?

[Далее сотрудник полиции задал заявителнице ряд вопросов о ее образовании, ее работе, работе ее мужа и о финансовом положении ее семьи].

Сотрудник полиции: И все-таки, как вы узнали, что можете обратиться в Европейский Суд?

Заявительница: Мы читаем газеты, смотрим телевизор; о делах Подколзиной, Кулаковой, Сливенко и нескольких других семей сообщалось в СМИ. Мы обратились в Комитет по правам человека, и они консультировали нас, даже предложили [свою помощь, чтобы] найти адвоката. Странно, не правда ли? Необходимость подать жалобу против Латвии в Европейский Суд была очень тяжела для нас, но все доступные нам возможности рассмотреть и разрешить нашу проблему в Латвии были исчерпаны. Это вина [УГМ и его служащих], которые демонстративно игнорируют законы и вынуждают людей покидать Латвию. Это за них Латвии должно быть стыдно. Мы не нарушали никаких законов.

Сотрудник полиции: Когда должно рассматриваться дело?

Заявительница: Мы не знаем.

Сотрудник полиции: Какие документы вы им выслали?

Заявительница: Судебные решения».

- 37.** Государство-ответчик оспаривает точность этой записи, в частности, ввиду того, что сам допрос проводился задолго до составления документа. Первая заявительница признаёт, что этот документ, возможно, несовершенен, учитывая, что она составила его по памяти, когда после допроса прошел уже почти месяц; она допускает, что в ходе беседы ей, возможно, задали еще несколько вопросов (которые она не может вспомнить). Тем не менее она утверждает, что ее запись достаточно точно отражает содержание и эмоциональную окраску допроса.

D. Предложения по легализации пребывания заявителей в Латвии

- 38.** 11 ноября 2003 г. начальник УГМ отправил по одному письму каждому заявителю, объясняя им порядок легализации их пребывания на территории Латвии. В письме, направленном первой заявителнице (Светлане Сысоевой), было сказано следующее:

«<...> [УГМ] <...> напоминает вам, что в соответствии с принципом соразмерности до настоящего времени не было отдано распоряжения о вашей высылке и что у вас есть возможность легализовать свое пребывание в Латвийской Республике в соответствии с законодательством [страны].

Согласно статьям 1 и 2 Закона «О лицах без гражданства», лица, которые не считаются гражданами какого-либо одного государства по законам этого государства, <...> на

законных основаниях проживающие в Латвии, могут получить статус лиц без гражданства.

Вы соответствуете вышеуказанным требованиям <...>

Принимая во внимание сказанное выше, Управление готово легализовать ваше пребывание в Латвии, включив ваше имя в реестр жителей Латвии в качестве лица без гражданства [проживающего] в Латвии и выдав вам на этом основании документ, удостоверяющий личность.

Для прохождения необходимых формальностей вам надлежит лично явиться в отделение УГМ в Алуксненском районе, взяв с собой документы, удостоверяющие вашу личность, свидетельство о рождении и две фотографии» <...>

- 39.** Двум другим заявителям были отправлены письма похожего содержания. В письме, направленном второму заявителю (Аркадию Сысоеву), в частности, указывалось:

«<...> Если ваша жена, Светлана Сысоева, воспользуется возможностью легализовать свое пребывание в Латвийской Республике в соответствии с действующим законодательством, у вас, согласно Закону «Об иммиграции», появится право на получение разрешения на временное проживание. Управление не видит причин, препятствующих вам обратиться за разрешением на временное проживание в Латвии и получить его.

Согласно положениям статьи 32 Закона «Об иммиграции», за видами на жительство в Управление могут обращаться лишь иностранные граждане, пребывающие в Латвии по разрешениям на временное проживание <...> В иных случаях, а также тогда, когда это соответствует нормам международного права в сфере защиты прав человека и интересам латвийского государства или связано с гуманитарными соображениями, начальник Управления может разрешить лицу представить необходимые документы в Управление для затребования вида на жительство. Поскольку до настоящего времени не было отдано распоряжения о вашей высылке из Латвии, вы можете представить необходимые документы <...> в отделение УГМ в Алуксненском районе <...>

Принимая во внимание сказанное выше, Управление готово выдать вам разрешение на временное проживание в Латвии по месту жительства вашей жены на основании статьи 26 Закона «Об иммиграции» при условии, что С. Сысоева пройдет необходимые формальности для легализации ее пребывания на территории Латвии в качестве лица без гражданства и ответит на приглашение отделения УГМ в Алуксненском районе» <...>

- 40.** Наконец, в письме, направленном третьей заявителнице (Аксане Сысоевой), было сказано следующее:

«<...> Если ваша мать, Светлана Сысоева, воспользуется предоставленной ей возможностью и, пройдя необходимые формальности, легализует свое пребывание в Латвийской Республике в соответствии с действующим законодательством, у вас, согласно Закону «Об иммиграции», появится право получить разрешение на временное проживание. Управление не видит причин, препятствующих вам обратиться за разрешением на временное проживание в Латвии и получить его.

<...>

Далее Управление извещает вас о том, что в соответствии с частью 3 статьи 23 Закона «Об иммиграции» в не предусмотренных данным Законом случаях разрешение на временное проживание может быть выдано Министерством внутренних дел, когда такой шаг соответствует нормам международного права. Следовательно, вы также можете обратиться к Министру внутренних дел Латвии с ходатайством выдать вам разреше-

ние на временное проживание на срок, превышающий тот, который предусмотрен пунктом 1 части 1 статьи 23 Закона «Об иммиграции». Кроме того, прожив в Латвии десять лет по разрешению на временное проживание, вы можете подать заявление о выдаче вам вида на жительство в соответствии с пунктом 7 части 1 статьи 24 Закона «Об иммиграции» <...>

41. Кроме того, письмо с приведенными выше сведениями, касающимися всех трех заявителей, было отправлено Уполномоченному Латвийской Республики при Европейском Суде по правам человека. В тот же день, 11 ноября 2003 г., начальник УГМ подписал три решения об официальной легализации статуса заявителей в Латвии. В частности, он распорядился внести первую заявительницу в реестр жителей Латвии в качестве лица без гражданства, выдать ей документ, удостоверяющий личность, действительный в течение двух лет, а также выдать второму заявителю и третьей заявительнице разрешения на временное проживание сроком на один год и на шесть месяцев соответственно. Тем не менее легализация статуса второго заявителя и третьей заявительницы зависела от статуса первой заявительницы. Другими словами, для того, чтобы Аркадий Сысоев и Аксана Сысоева смогли получить виды на жительство, Светлана Сысоева сначала должна была подать в УГМ соответствующие документы.

Ни один из заявителей не последовал обозначенным выше указаниям по получению видов на жительство.

42. В постановлении № 15 от 22 марта 2005 г. Кабинет министров Латвии [*Ministru kabinets*] отдал распоряжение Министру внутренних дел выдать Аркадию Сысоеву и Аксане Сысоевой разрешения на временное проживание, действительные в течение пяти лет, «в соответствии с частью 3 статьи 23 Закона об иммиграции». В письме, отправленном в тот же день, государство-ответчик сообщило Европейскому Суду о принятых мерах, указав, что по истечении пяти лет эти два заявителя могут получить виды на жительство в Латвии.

43. 15 ноября 2005 г. заявители обратились в УГМ с просьбой легализовать их пребывание в Латвии на тех же условиях, которые они предлагали с самого начала, то есть предоставить первой заявительнице статус «постоянно проживающего в стране негражданина» и выдать двум другим заявителям виды на жительство. УГМ откликнулось на следующий день, 16 ноября 2005 г. Описав историю рассмотрения настоящего дела в латвийских судах и в Страсбурге, УГМ указало:

«<...> 11 декабря 2003 г. вы заявили, что не будете рассматривать предложения УГМ до вынесения постановления Европейским Судом по правам человека.

В соответствии с <...> Законом «О статусе лиц без гражданства» <...> действовавшим в то время, было отдано распоряжение о выдаче Светлане Сысоевой документа, удостоверяющего личность лица без гражданства, и ей сообщили о готовности властей предоставить ей статус лица без гражданства. [Следовательно] у г-жи Сысоевой была возможность воспользоваться этим вариантом, но она не сделала этого. Тем не менее в соответствии с принципом уважения личных прав и принципом разумного ожидания, УГМ не отменило своего решения от 11 ноября 2003 г. в отношении Светланы Сысоевой. Следовательно, у нее по-прежнему остается возможность легализовать свое пребывание в Латвии на основании части 1 статьи 6 Закона «О лицах без гражданства» и второго абзаца переходных положений указанного Закона. Поскольку право Светланы Сысоевой на получение статуса лица без гражданства <...> было признано до вступления в силу этого Закона, если бы она получила документ, удостоверяющий личность лица

без гражданства, ей был бы выдан и вид на жительство <...> Что касается Аркадия Сысоева и Аксаны Сысоевой, то на этом же основании они были бы вправе получить разрешения на временное проживание.

<...>

Далее, УГМ отмечает, что 22 марта 2005 г. Кабинет министров Латвии <...> отдал распоряжение Министру внутренних дел выдать Аркадию Сысоеву и Аксане Сысоевой разрешения на временное проживание, действительные в течение пяти лет, на основании части 3 статьи 23 Закона «Об иммиграции».

Ввиду вышесказанного УГМ напоминает вам о возможности легализовать ваше пребывание в Латвийской Республике на следующих основаниях. Светлана Сысоева может получить статус лица без гражданства, и ей может быть выдан вид на жительство; Аркадий Сысоев и Аксана Сысоева тем временем, в соответствии с частью 3 статьи 23 Закона «Об иммиграции», могут обратиться за разрешениями на временное проживание и получить их». <...>

Далее в письме каждому из трех заявителей подробно объяснялась процедура, которой они должны были следовать, и перечислялись документы, которые они должны были предоставить для легализации своего пребывания на территории Латвии, а также используемые для этой цели налоговые ставки. Заявители не приняли указанных УГМ мер.

44. 2 и 3 ноября 2005 г. сотрудник Государственной пограничной службы Латвии допросил заявителей, задав им вопрос, почему они до сих пор не легализовали свое пребывание в стране. После этой беседы командующий пограничной службой затребовал у начальника УГМ подробности относительно точного статуса заявителей в Латвии. В письме от 22 ноября 2005 г. последний пояснил, что с 2000 года существовали достаточные правовые основания отдать распоряжения о высылке заявителей, но такие распоряжения не были выданы по соображениям соразмерности и ввиду того, что жалоба заявителей находилась в производстве Европейского Суда по правам человека.

В письме от 16 декабря 2005 г. УГМ еще раз напомнило заявителям о том, что у них есть возможность легализовать свое пребывание в Латвии. Это письмо осталось без ответа.

45. В настоящее время заявители проживают в Латвии, не имея действительных видов на жительство. Согласно представленным заявителями сведениям, которые не оспаривает государство-ответчик, Светлана Сысоева с 1992 года является безработной. Аркадий Сысоев работает механиком в муниципальной котельной в г. Алуксне; несмотря на неоднократные предупреждения властей, его работодатель неизменно отказывается уволить его лишь на том основании, что он проживает в Латвии нелегально. Тем временем Аксана Сысоева в июле 2004 г. закончила юридический факультет Балтийского русского института [*Baltijas Krievu institūts*]. Заявители утверждают, что из-за нелегализованности своего статуса она до сих пор не может найти работу.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Законодательство об иммиграции и соглашение между Россией и Латвией от 30 апреля 1994 г.

1. Общие положения

46. Законодательство Латвии по вопросам гражданства и миграции устанавливает несколько категорий лиц, каждая из которых имеет особый статус.

(а) граждане Латвийской Республики [*Latvijas Republikas pilsoņi*], правовой статус которых определяется Законом «О гражданстве» [*Pilsonības likums*];

(б) «постоянно проживающие в стране неграждане» [*nepilsoņi*], то есть граждане бывшего Советского Союза, которые утратили свое гражданство после распада Советского Союза, но не получили впоследствии никакого иного гражданства — их статус определяется Законом «О статусе граждан бывшего Советского Союза, не имеющих гражданства Латвии или другого государства» от 12 апреля 1995 г. [*Likums «Par to bijušo PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības»*] (далее — Закон о неграждахах);

(с) лица, ходатайствующие о предоставлении политического убежища, и беженцы, статус которых определяется Законом «О предоставлении убежища» от 7 марта 2002 г. [*Patvēruma likums*];

(д) «лица без гражданства» [*bezvalstnieki*] — в значении, которое придает этому понятию Закон «О статусе лиц без гражданства» от 18 февраля 1999 г. [*Likums «Par bezvalstnieka statusu Latvijas Republikā»*] в сочетании с нормами Закона «О въезде и пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства в Латвийской Республике» от 9 июня 1992 г. (далее — Закон об иностранных) и, начиная с 1 мая 2003 г., Закона «Об иммиграции» от 31 октября 2002 г. [*Imigrācijas likums*]. Со 2 марта 2004 г. на смену Закону «О статусе лиц без гражданства» пришел новый Закон «О лицах без гражданства»;

(е) «иностранцы» в широком смысле этого понятия [*ārzemnieki*], то есть к ним относятся иностранные граждане [*ārvalstnieki*] и лица без гражданства [*bezvalstnieki*], исключительно на которых до 1 мая 2003 г. распространялось действие Закона об иностранцах, а после этой даты — действие Закона «Об иммиграции».

2. «Постоянно проживающие в Латвии неграждане»

47. Статья 1 Закона о неграждахах некогда подробно излагала критерии получения этого особого статуса. В редакции, действующей с 25 сентября 1998 г., часть 1 статьи 1 выглядит следующим образом:

«Субъектами настоящего Закона — «неграждахами» — являются проживающие на территории Латвии граждане бывшего Советского Союза и их дети, <...> которые отвечают следующим требованиям:

(1) по состоянию на 1 июля 1992 г. они были зарегистрированы как проживающие на территории Латвии, независимо от статуса жилой площади, либо их последнего места прописки на 1 июля 1992 г., либо установления судом, что до вышеупомянутой даты они проживали на территории Латвии в течение не менее десяти лет;

(2) у них нет гражданства Латвии; и

(3) они не являются и не являлись гражданами какого-либо другого государства.

<...>»

3. Лица без гражданства

48. Имеющие отношение к настоящему делу статьи ныне не действующего Закона «О статусе лиц без гражданства» гласят следующее:

Статья 2

«Статус лица без гражданства предоставляется лицам, статус которых не определен ни Законом «О статусе граждан бывшего Советского Союза, не имеющих гражданства

Латвии или другого государства», ни Законом «О предоставлении убежища» при условии, что они:

<...>

(2) проживают в Латвии на законных основаниях.

2. Лица без гражданства, получившие удостоверяющие отсутствие гражданства документы в другом государстве, могут получить статус лиц без гражданства в Латвии лишь при условии получения ими вида на жительство в Латвии.

<...>»

Часть 1 статьи 3

«Лицам без гражданства выдается документ, удостоверяющий личность лица без гражданства, который является также документом для выезда за рубеж».

Статья 4

«1. Лица без гражданства пользуются в Латвии всеми правами, которые гарантируются Конституцией Латвийской Республики [*Satversme*].

2. Помимо прав, указанных в части первой настоящей статьи, лицо без гражданства имеет право:

(1) свободно покидать территорию Латвии и возвращаться в Латвию;

(2) принимать своего супруга, прибывшего из-за границы, а также своих собственных или находящихся на иждивении своего супруга несовершеннолетних детей в соответствии с правилами, установленными Законом «О въезде и пребывании иностранных граждан в Латвийской Республике»;

(3) сохранять свой родной язык, культуру и традиции, если они не противоречат закону;

<...>

3. Находясь в Латвии, лица без гражданства обязаны соблюдать требования норм законодательства Латвийской Республики».

49. 29 января 2004 г. Парламент Латвии принял новый Закон «О лицах без гражданства» [*Bezvalstnieku likums*], который вступил в силу 2 марта 2004 г. и пришел на смену ранее действовавшему Закону «О статусе лиц без гражданства». Имеющие отношение к настоящему делу статьи нового Закона гласят следующее:

Часть 1 статьи 2

«В Латвийской Республике человек может быть признан лицом без гражданства, если ни одно другое государство не признало его своим гражданином в соответствии со своими законами».

Статья 4

«1. Для того чтобы его признали лицом без гражданства, лицо должно представить в [Управление]:

(1) заявление [в письменной форме];

(2) документ, удостоверяющий личность;

(3) документ, выданный определяемым Управлением компетентным органом власти иностранного государства, подтверждающий, что лицо не является гражданином этого государства и что гражданство этого государства ему не гарантировано, либо справку, подтверждающую невозможность получения такого документа.

2. В случае, когда по не зависящим от него причинам лицо не может представить один из документов, упомянутых в пунктах 2 или 3 части первой настоящей статьи, должностное лицо по указанию начальника Управления принимает решение о возможности предоставления этому лицу статуса лица без гражданства. Это решение принимается на основе сведений, имеющихся в распоряжении Управления и подтвержденных соответствующими документами».

Части 1 и 2 статьи 6

«1. Лицо без гражданства проживает в Латвийской Республике в соответствии с положениями Закона «Об иммиграции».

2. Лицо без гражданства, проживающее в Латвийской Республике на законных основаниях, может получить документ для выезда за рубеж в соответствии с положениями закона <...>».

Часть 2 статьи 7

«Лицо без гражданства, проживающее в Латвийской Республике на законных основаниях, пользуется правами, которые гарантируются [...] Конвенцией о статусе апатридов от 28 сентября 1954 г.».

4. Иностранцы граждане

50. Имеющие отношение к настоящему делу статьи утраченного силу Закона об иностранцах, который действовал до 1 мая 2003 г., гласят следующее:

Статья 38

«Начальник Управления или глава территориального подразделения Управления издает распоряжение о выезде <...> <...>

(2) если иностранный гражданин или лицо без гражданства находится в Латвии без действительной визы или вида на жительство» <...>

Статья 40

«лицо обязано покинуть территорию государства в течение семи дней с момента доведения до его сведения распоряжения о выезде, если оно не обжаловано в предусмотренном настоящей статьей порядке.

Лицо, до сведения которого доведено распоряжение о выезде, вправе в течение семи дней обжаловать его начальнику управления, который продлевает срок пребывания на время рассмотрения жалобы.

Решение начальника управления в течение семи дней со дня его получения может быть обжаловано в суд по месту нахождения Управления».

51. С 1 мая 2003 г. Закон об иностранцах, выдержки из которого приведены выше, утратил силу; на смену ему пришел Закон «Об иммиграции». Имеющие отношение к настоящему делу статьи нового Закона гласят следующее:

Статья 1

«В Законе используются следующие термины:

1. иностранный гражданин [ārzemnieks] — лицо, не являющееся гражданином Латвии или «[постоянно проживающим в стране] негражданином» Латвии»; <...>

Часть 3 статьи 23

«В не предусмотренных настоящим Законом случаях разрешение на временное проживание предоставляется Министерством внутренних дел, если это соответствует международным нормам права, интересам Латвийского государства или связано с гуманитарными соображениями».

Статья 24

«1. Следующие лица имеют право обращаться с ходатайством о выдаче вида на жительство в установленном настоящим Законом порядке:

<...>

(7) иностранный гражданин, который непрерывно пребывает в Латвийской Республике по меньшей мере пять лет непосредственно перед подачей заявления <...>;

<...>

2. В не предусмотренных настоящим Законом случаях вид на жительство предоставляется Министерством внутренних дел, если это соответствует интересам государства.

<...>

5. Упомянутый в пункте <...> 7 части первой настоящей статьи иностранный гражданин имеет право получить вид на жительство, если он владеет государственным языком. Объем знаний государственного языка [и] порядок проверки владения государственным языком устанавливаются Кабинетом министров.

6. Если иностранный гражданин не выполнил упомянутое в части 5 настоящей статьи условие, он имеет право продолжать жить в Латвийской Республике на основании разрешения на временное проживание».

Часть 3 статьи 32

«[В порядке исключения] начальник Управления может разрешить [лицу] подать в Управление заявление с просьбой выдать ему вид на жительство, если это соответствует нормам международного права, интересам Латвийского государства или связано с гуманитарными соображениями».

Часть 2 статьи 33

«<...> Если установленный срок [подачи заявления с просьбой о выдаче вида на жительство] пропущен, начальник Управления может разрешить [лицу] представить [соответствующие] документы, если это соответствует интересам Латвийского государства либо связано с непреодолимой силой или гуманитарными соображениями».

Части 1 и 2 статьи 40

«1. Решение об отказе в выдаче вида на жительство или об аннулировании вида на жительство иностранного гражданина может быть обжаловано <...> начальнику Управления в 30-дневный срок после вступления в силу данного решения.

2. Принятое начальником Управления решение об отказе в выдаче вида на жительство в установленном законом порядке может быть обжаловано <...> в суд» <...>

Статья 41

«Должностное лицо Управления отдает распоряжение о высылке с требованием в семидневный срок покинуть Латвийскую Республику и определяет продолжительность запрета на въезд на территорию Латвии, если иностранный гражданин [...] нарушил установленный нормативными актами порядок въезда и пребывания иностранных граждан в Латвийской Республике. <...>

2. Начальник Управления может отменить распоряжение о высылке <...> или приостановить его выполнение по гуманитарным соображениям».

Статья 42

«1. Иностранец имеет право обжаловать начальнику Управления распоряжение о высылке и установленную им продолжительность запрета на въезд на территорию Латвии в течение семи дней после вступления в силу указанного распоряжения. Он вправе оставаться в Латвийской Республике на срок рассмотрения заявления.

2. Решение начальника Управления, касающееся распоряжения о высылке и продолжительности запрета на въезд на территорию Латвийской Республики, в семидневный срок после его вступления в силу иностранный гражданин имеет право обжаловать в суд. Подача жалобы в суд не приостанавливает исполнение решения».

Статья 47

«1. Должностное лицо Управления в 10-дневный срок со дня констатации обстоятельств, упомянутых в части первой

настоящей статьи, принимает решение о принудительной высылке иностранного гражданина и определяет продолжительность запрета на въезд на территорию Латвийской Республики <...>, если:

(1) иностранный гражданин не выехал из Латвийской Республики в семидневный срок после получения распоряжения о высылке, как этого требует часть 1 статьи 41 настоящего Закона, и не обжаловал распоряжение о высылке на основании статьи 42 настоящего Закона;

<...>

(2) В случаях, упомянутых в пункте 1 части первой настоящей статьи, решение о принудительной высылке иностранного гражданина из Латвийской Республики обжалованию не подлежит <...>

<...>

(4) Начальник Управления имеет право отменить решение о принудительной высылке иностранного гражданина или приостановить его исполнение по гуманитарным соображениям».

5. Штрафные санкции

52. В то время, когда происходили события, на которые жалуются заявители, статьи Кодекса об административных правонарушениях Латвии [Administratīvo pārkāpumu kodekss], имеющие отношение к настоящему делу, гласили следующее:

Статья 187

«<...>Использование паспорта, взамен которого был выдан новый паспорт, наказывается штрафом в размере до ста латов».

Часть 3 статьи 190

«Непредставление в установленные сроки в подразделения УГМ сведений для внесения записи в реестр жителей Латвии наказывается штрафом в размере от десяти до двадцати пяти латов».

6. Соглашение между Россией и Латвией от 30 апреля 1994 г.

53. Соглашение между Россией и Латвией по вопросам социальной защищенности военных пенсионеров Российской Федерации и членов их семей, проживающих на территории Латвийской Республики, было подписано в г. Москве 30 апреля 1994 г., ратифицировано Латвией 24 ноября 1994 г. и вступило в силу 27 февраля 1995 г. Согласно части 2 статьи 2 этого соглашения лица, на которых распространяется его действие и которые постоянно проживали на территории Латвийской Республики до 28 января 1992 г., сохраняют право на беспрепятственное проживание на территории Латвийской Республики, если они того пожелают.

В. Административно-правовые нормы общего характера

54. Часть 4 статьи 360 Закона «Об административном процессе» [Administratīvā procesa likums], вступившего в силу 1 февраля 2004 г., гласит следующее:

«Административный акт не может быть исполнен, если с момента его вступления в силу прошло более трех лет. При определении срока давности не учитывается время, в течение которого его действие было приостановлено».

С. Законодательство об оперативно-розыскной деятельности

55. Основные положения, регулирующие проведение допросов, подобных тому, на который жаловалась первая

заявительница, содержатся в Законе «Об оперативной деятельности» от 16 декабря 1993 г. [Operatīvās darbības likums]. «Оперативная деятельность», упоминающаяся в Законе, включает в себя все операции, секретные или нет, направленные на защиту физических лиц, независимости и суверенитета государства, конституционного строя, экономического и научного потенциала страны и сведений, составляющих государственную тайну, от внешних или внутренних угроз (статья 1). Оперативная деятельность направлена, в частности, на предупреждение и раскрытие преступлений, розыск лиц, совершивших преступления, и сбор доказательств (статья 2).

56. Самой простой мерой является «оперативная процедура дознания» [operatīvā izziņošana], предназначенная для «сбора информации о событиях, лицах или объектах» (часть 1 статьи 9). Эта процедура может принимать одну из следующих форм:

(i) «оперативный опрос» [operatīvā aptauja], в ходе которого «людям задаются вопросы о событиях, представляющих интерес для [субъектов] оперативной деятельности» (часть 2 статьи 9);

(ii) «оперативное дознание» [operatīvā uzzīna], включающее в себя «сбор информации о конкретных лицах» (часть 3 статьи 9);

(iii) «оперативное выяснение» [operatīvā noskaidrošana], заключающееся в получении информации негласным путем или косвенным образом, если есть основания предполагать, что лицо, располагающее соответствующей информацией, не захочет предоставлять ее непосредственно (часть 4 статьи 9).

57. Все оперативные меры должны осуществляться в строгом соответствии с законом и правами человека. В частности, запрещено причинять физический или имущественный вред, прибегать к насилию или угрозам (части 1—3 статьи 4). Любое лицо, считающее, что ему был причинен ущерб в результате действий сотрудников органов государственной безопасности, может подать жалобу прокурору или обратиться в суд (статья 5).

58. Согласно статье 15 Закона «Об учреждениях государственной безопасности» от 5 мая 1994 г. [Valsts drošības iestāžu likums], латвийская полиция безопасности подчиняется Министерству внутренних дел Латвии. Она наделена правом применять оперативные меры для борьбы с коррупцией.

ВОПРОСЫ ПРАВА

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС О ТОМ, В КАКОМ ОБЪЕМЕ БОЛЬШАЯ ПАЛАТА МОЖЕТ РАССМАТРИВАТЬ ЖАЛОБЫ ПО НАСТОЯЩЕМУ ДЕЛУ

59. Во время слушаний дела заявители и власти Российской Федерации, косвенно ссылаясь на статью 43 Конвенции, просили Большую Палату отменить решение от 28 февраля 2002 г., вынесенное Первой Секцией Суда в прежнем составе, так как последняя объявила жалобу заявителей неприемлемой для рассмотрения по существу в том, что касается старшей дочери в семье Сысовых, Татьяны Визуле.

Государство-ответчик, со своей стороны, заявляет, что г-жа Т. Визуле в 2005 году получила вид на жительство, который давно уже ей предлагался. В любом случае, как оно отмечает, жалобы г-жи Т. Визуле Суд раз и навсегда объявил неприемлемыми для рассмотрения по существу.

60. Следовательно, именно Европейский Суд должен определить рамки рассмотрения дела после обращения заявителей с просьбой о передаче его в Большую Палату на основании статьи 43 Конвенции. Статья 43 Конвенции гласит:

«1. В течение трех месяцев с даты вынесения Палатой постановления в исключительных случаях возможно обращение любой из сторон в деле о передаче его на рассмотрение Большой Палаты.

2. Коллегия в составе пяти членов Большой Палаты принимает обращение, если дело поднимает серьезный вопрос, касающийся толкования или применения положений настоящей Конвенции или Протоколов к ней, или другой серьезный вопрос общего характера.

3. Если Коллегия принимает обращение, то Большая Палата выносит по делу свое постановление».

61. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда, дело, передаваемое в производство Большой Палаты, неизбежно охватывает все аспекты жалобы, ранее рассмотренные Палатой Суда в ее постановлении. Следовательно, содержание и рамки рассмотрения дела, переданного в производство Большой Палаты, определяются решением Палаты Суда по вопросу о приемлемости соответствующей жалобы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» [*K. and T. v. Finland*], жалоба № 25702/94, § 140—141, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-VII; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёч против Турции» [*Göç v. Turkey*], жалоба № 36590/97, § 35—37, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-V; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перна против Италии» [*Perna v. Italy*], жалоба № 48898/99, § 23—24, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2003-V; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Азинас против Кипра» [*Azinas v. Cyprus*], жалоба № 56679/00, § 32, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2004-III). Это значит, что Большая Палата может рассматривать дело во всей его полноте постольку, поскольку жалоба по нему была объявлена приемлемой для рассмотрения по существу; она, однако, не может рассматривать жалобу в той части, в которой Палата Суда объявила ее неприемлемой для рассмотрения по существу. Суд не видит оснований отступать от этого принципа в настоящем деле.

62. В общем, Европейский Суд приходит к выводу, что в контексте настоящего дела он уже не обладает компетенцией рассматривать жалобу или жалобы, поданные Татьяной Визуле.

II. ПО ВОПРОСУ О ЖАЛОБЕ НА ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

63. Заявители утверждают, что они стали жертвами нарушения их прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции. В части, имеющей отношение к настоящему делу, эта статья гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни <...>

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

64. Государство-ответчик представило на рассмотрение Большой Палаты возражение, которое оно выдвигало, когда дело разбиралось в Палате Суда. Оно заявляет, что ввиду мер, принятых латвийскими властями для того, чтобы помочь заявителям легализовать свое пребывание в Латвии, спор фактически разрешен, и что настоящая жалоба должна быть исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом, в соответствии с подпунктом «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции. Пункт 1 статьи 37 Конвенции гласит:

«Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что:

a. заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы; или

b. спор был урегулирован; или

c. по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.

Тем не менее Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней».

65. Заявители и власти Российской Федерации возражают против исключения жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом.

A. Постановление Палаты Суда

66. После решения Председателя Палаты Суда не приобщать к материалам дела замечания государства-ответчика от 22 марта 2005 г., в которых оно сообщало Суду о новых событиях, имеющих отношение к рассматриваемому делу (см. выше, пункты 10 и 42 настоящего постановления), Палата Суда вынесла свое решение на основании фактической ситуации, существовавшей до вышеупомянутой даты. По данному вопросу в постановлении Палаты Суда от 16 июня 2005 г. сказано следующее:

«53. По мнению Европейского Суда, вопрос здесь заключается в том, действительно ли заявители утратили статус жертв нарушения Конвенции по смыслу положений статьи 34 Конвенции в результате решений, принятых УГМ 11 ноября 2003 г. Суд вновь обращается к своей устоявшейся прецедентной практике, из которой следует, что решений или мер, благоприятных для заявителя, в принципе недостаточно для того, чтобы лишить его статуса жертвы нарушения Конвенции, если только национальные власти не признали, в явной форме или по существу, факта нарушения Конвенции и не компенсировали затем причиненный им ущерб (см., например, постановление Европейского Суда от 25 июня 1996 г. по делу «Амуур против Франции» [*Amuur v. France*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1996-III, стр. 846, § 36; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Далбан против Румынии» [*Dalban v. Romania*], жалоба № 28114/95, § 44, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-VI; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» [*Labita v. Italy*], жалоба № 26772/95, § 142, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IV; а также решение Большой Палаты Европейского Суда от 4 июля 2001 г. по делу «Илашку и другие заявители против Молдавии и России» [*Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia*], жалоба № 48787/99).

54. В настоящем деле Европейский Суд отмечает: власти Латвии не признали, что заявителям был причинен ущерб,

и тем более не возместили им этот ущерб. Решение разрешить им легализовать их пребывание в Латвии является лишь предложением, подчиненным жестким условиям, и не соответствует первоначальному ходатайству заявителей о предоставлении им статуса постоянных жителей Латвии и о внесении их имен в реестр жителей Латвии, которое они подали еще в 1993 году, тем более что Суд первой инстанции Алуксненского района дважды удовлетворял это ходатайство. Кроме того, решение, о котором идет речь, не уничтожило воспоминаний о длительном периоде нестабильности и правовой неопределенности, который они пережили в Латвии.

55. В этих обстоятельствах Европейский Суд считает, что заявители по-прежнему могут претендовать на статус жертв нарушения Конвенции в значении положений статьи 34 Конвенции».

67. По существу дела Палата Суда, в частности, отметила следующее:

«109. Далее, Европейский Суд отмечает, что легализация статуса второго заявителя и третьей заявительницы зависит от статуса первой заявительницы (см. выше, пункт 35 и пункты 87—90 настоящего постановления). Другими словами, если первая заявительница не воспользуется предоставленной ей возможностью легализовать свое пребывание в Латвии, положение двух других заявителей останется неизменным. Суд полагает, что, поставив возможность этих двух заявителей вести нормальную личную жизнь в зависимость от обстоятельств, на которые они не могут повлиять, власти Латвии, которые, конечно, обладают некоторой свободой собственного усмотрения, не приняли мер, которых разумно было бы от них требовать.

110. Соответственно, принимая во внимание все обстоятельства настоящего дела и в особенности длительный период нестабильности и правовой неопределенности, который заявители пережили в Латвии, Европейский Суд полагает, что власти Латвии вышли за рамки допустимого поведения Высоких Договаривающихся Сторон в этой сфере и не обеспечили справедливого равновесия между правомерной целью предупреждения беспорядков и интересом заявителей в защите их прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции. Следовательно, Суд не может прийти к выводу, что обжалуемое по делу вмешательство государства в осуществление заявителями своих прав было «необходимо в демократическом обществе».

111. Учитывая все вышесказанное, Европейский Суд считает, что в настоящем деле властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции».

В. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы, представленные Европейскому Суду заявителями

68. Заявители полагают, что они по-прежнему могут претендовать на статус жертв предполагаемого нарушения их прав и что спор, лежащий в основе настоящего дела, далек от разрешения. По их мнению, всех мер, принятых властями Латвии, будь то до или после 22 марта 2005 г., было явно недостаточно для того, чтобы загладить вред, причиненный им нарушением статьи 8 Конвенции.

69. Вначале заявители утверждают, что им по-прежнему угрожает высылка из Латвии. Письма УГМ от 17 мая 2000 г. и от 26 июня 2000 г., напоминающие заявителям о необходимости покинуть страну (см. выше, пункт 34 настоящего постановления), так и не были отозваны в

явной форме. Постановление Правительства Латвии от 22 марта 2005 г., которое, как утверждают заявители, они ни разу не видели, не устранило опасность высылки, особенно в том, что касается второго заявителя и третьей заявительницы. Во-первых, заявители не располагают всеми документами, которые требует УГМ в своем письме от 16 ноября 2005 г. Во-вторых, даже если предположить, что государство-ответчик демонстрирует особую готовность к сотрудничеству и уже не требует от них предоставить эти документы, Аркадий Сысоев и Аксана Сысоева получают лишь разрешения на временное проживание, действительные в течение пяти лет. У них нет гарантий того, что по истечении этих пяти лет они снова легализуют свое пребывание в Латвии.

70. Затем заявители ссылаются на постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 1982 г. по делу «Экле против Германии» [*Eckle v. Germany*] (серия «А», № 51), в котором Суд пришел к выводу, что решение или мер, благоприятных для заявителя, недостаточно для того, чтобы лишить его статуса жертвы, если только национальные власти не признали, в явной форме или по существу, факта нарушения Конвенции и не компенсировали потом причиненный им ущерб (стр. 30—31, § 66). Эти два условия — сначала признание факта нарушения Конвенции, а потом компенсация причиненного им ущерба — с тех пор многократно использовались Судом и прочно укоренились в его прецедентной практике. Ни одно из этих условий не выполнено в настоящем деле.

71. Прежде всего, заявители отмечают, что власти Латвии ничего не сделали для того, чтобы признать факт нарушения требований статьи 8 Конвенции по отношению к ним. На самом деле позиция властей предполагала скорее нечто противоположное: 2 и 3 ноября 2005 г., например, Аркадий Сысоев и Светлана Сысоева были вызваны на допрос в полицию, которая спрашивала их о причинах их нелегального проживания в Латвии.

72. Далее, как считают заявители, ни одной из предложенных властями Латвии мер по легализации их пребывания в этой стране не достаточно для того, чтобы загладить причиненный им вред. В связи с этим они вновь заявляют свое первоначальное ходатайство о том, что первой заявительнице должен быть предоставлен статус «постоянно проживающего в стране негражданина», а двум другим заявителям должны быть выданы виды на жительство. Эти требования абсолютно законны и обоснованны. Первая заявительница имеет право получить статус постоянного жителя Латвии на основании соответствующего закона (см. выше, пункт 47 настоящего постановления): ее регистрация по месту жительства в России, несомненно, была условной и не могла привести к автоматическому аннулированию ее латвийской прописки. Соответственно, она выполнила первое условие, содержащееся в части 1 статьи 1 Закона о негражданах, прописавшись в Латвии по состоянию на 1 июля 1992 г. Что касается двух других заявителей, соглашение между Россией и Латвией от 30 апреля 1994 г. (см. выше, пункт 53 настоящего постановления) дает им право на постоянное проживание в Латвии. Коротко говоря, заявители требуют только то, что принадлежит им по праву, на основании закона и упомянутого соглашения. По их мнению, высказывание «Тот, кто может сделать большее, не всегда может сделать меньшее» применялось иногда Судом в его практике, означая, что их нельзя заставлять принять меньшее, если они имеют право на большее.

73. Заявители также ссылаются на доводы, которые они выдвигали при рассмотрении их дела Палатой Суда. Предложения властей, как они утверждают, являются неприемлемыми и унижительными по отношению и к первой

заявительнице и второму заявителю, которые живут в Латвии уже более тридцати пяти лет, и к третьей заявительнице, которая родилась на территории Латвии и всегда там жила. Далее они утверждают, что даже после 22 марта 2005 г. легализация статуса второго заявителя и третьей заявительницы по-прежнему была связана со статусом первой заявительницы. Другими словами, судьба Аркадия Сысоева и Аксаны Сысоевой продолжала зависеть от обстоятельств, не подчиняющихся их воле.

74. По утверждениям заявителей, принятых властями Латвии мер было также недостаточно, поскольку они не предоставили заявителям достаточной компенсации за страдания, перенесенные ими за многие годы. В частности, все это время они испытывали длительное состояние неопределенности, тоску и горе, особенно когда над ними нависла реальная опасность высылки из Латвии. То, что у них не было никаких латвийских документов, удостоверяющих личность, также привело к появлению у заявителей ряда практических проблем в их повседневной жизни. Так, они не могли покинуть территорию Латвии, будучи при этом уверенными в том, что смогут туда вернуться; с октября 2002 г. они перестали получать многие виды социальных пособий, в частности выплаты по системе медицинского страхования; они не могли покупать лекарства по сниженным ценам; третья заявительница не могла получить водительское удостоверение; кроме того, в 2004 и в 2005 годах им не удалось завершить ряд гражданско-правовых сделок, требующих нотариального заверения. В общем, последствия всех этих испытаний не могут быть стерты из памяти просто путем выдачи вида на жительство.

2. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

75. Прежде всего, государство-ответчик ссылается на устоявшуюся прецедентную практику Европейского Суда по вопросу о высылке из государства или экстрадиции граждан, которые не являются гражданами этого государства. Согласно этой практике, легализации пребывания заявителя в стране — даже если его дело все еще находится в производстве Европейского Суда — в принципе достаточно для того, чтобы загладить вред, причиненный нарушением статьи 8 Конвенции (государство-ответчик упоминает решение Европейского Суда от 28 октября 1999 г. по делу «Панченко против Латвии» [*Pančenko v. Latvia*], жалоба № 40772/98; решение Европейского Суда от 12 сентября 2002 г. по делу «Михеева против Латвии» [*Mikheeva v. Latvia*], жалоба № 50029/99; постановление Европейского Суда от 8 марта 2001 г. по делу «Янг Чун Джин он же Янг Ксяолин против Венгрии» [*Yang Chun Jin alias Yang Xiaolin v. Hungary*] (жалоба исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом), жалоба № 58073/00, § 20—23; а также, из совсем недавно рассмотренных дел, решение Европейского Суда от 6 апреля 2006 г. по делу «Фёдорова и другие заявители против Латвии» [*Fjodorova and Others v. Latvia*], жалоба № 69405/01). По мнению государства-ответчика, Палата Суда не только не последовала прецедентной практике по этим делам, но и вынесла постановление, противоречащее ее собственному решению по настоящему делу от 28 февраля 2002 г. (см. выше, пункт 5 настоящего постановления). В своем решении Палата Суда отклонила жалобы Татьяны Визуле на основании того, что ей в то время была предоставлена возможность легализовать свое пребывание в Латвии.

76. В любом случае, в настоящее время заявителям не угрожает реальная опасность высылки из Латвии. Конечно, с формальной точки зрения ничто не мешает УГМ отдать распоряжение о высылке заявителей, так как они живут в Латвии нелегально. Однако любое такое распоряжение будет подлежать обжалованию в трех административных судебных инстанциях. В связи с этим государство-ответчик ссылается на постановление Европейского Суда по правам человека от 27 августа 1992 г. по делу «Виаянатан и Пуспараджа против Франции» [*Vijayanathan and Pusparajah v. France*] (серия «А», № 241-В, стр. 87, § 46—47), в котором Суд пришел к выводу, что заявители не могут претендовать на статус жертв нарушения их прав в отсутствие распоряжения о высылке. Письма УГМ от 17 мая 2000 г. и от 26 июня 2000 г. не являются «административными актами» в том смысле, который придает этому термину законодательство Латвии; даже если предположить, что они являлись таковыми, они давно уже утратили исполнительную силу согласно части 4 статьи 360 Закона «Об административном процессе» (см. выше, пункт 54 настоящего постановления).

77. Кроме того, власти несколько раз предлагали четкие, конкретные и эффективные меры по легализации пребывания заявителей в Латвии, принятие которых позволило бы им беспрепятственно проживать в этой стране. Кроме того, вопреки утверждениям заявителей, постановление от 22 марта 2005 г. означало, что выдача видов на жительство Аркадию Сысоеву и Аксане Сысоевой уже не зависит от правового статуса Светланы Сысоевой; после того, как появилось это постановление, они могли легализовать свой статус независимо друг от друга. Заявителям сообщили о данном постановлении (см. выше, пункты 43—44 настоящего постановления); более того, оно было опубликовано в «Официальной газете», и поэтому заявители не могут утверждать, что они не знали о его содержании.

78. Что касается мер по легализации пребывания заявителей в Латвии, принятия которых они требуют, государство-ответчик заявляет, что законодательство Латвии не наделяет их теми правами, которых они добиваются. В частности, из Закона о негражданах совершенно ясно следует, что на первую заявительницу не распространяется правило *ratione personae*¹. Часть 1 статьи 1 этого Закона устанавливает, что статус «постоянно проживающего в стране негражданина» может быть предоставлен лишь тем, кто по состоянию на 1 июля 1992 г. был официально прописан в Латвии. Зарегистрировавшись по месту жительства в России в январе 1992 г., Светлана Сысоева и ее муж аннулировали свою латвийскую прописку. Государство-ответчик настаивает на том, что заявители утратили возможность получить тот правовой статус, о предоставлении которого они ходатайствовали, именно в результате своих мошеннических действий.

79. Поскольку это так, предложенный властями подход по-прежнему является более чем достаточным для целей статьи 8 Конвенции, которая не гарантирует как таковое право на получение вида на жительство какого-то конкретного типа. Действительно, заявители все еще должны выполнить некоторые формальные и технические требования, в частности, предоставить определенные документы. Однако эти требования законны и разумны; к тому же они никак не затрагивают принципиальное решение, принятое Кабинетом министров Латвии. Если же, несмотря на это, заявители по-прежнему игнорируют предложения и рекомендации государства-ответчика, они делают это добровольно и под свою собственную ответственность;

¹ *Ratione personae* (лат.) — ввиду обстоятельств, относящихся к лицу, о котором идет речь (примечание редакции).

никого нельзя заставить принять вид на жительство, если он этого не хочет. В частности, утверждение заявителей, что УГМ просит их предоставить документы, которые они не могут получить, не имеет под собой никаких оснований; по этому поводу государство-ответчик приводит пример Татьяны Визуле, ходатайство которой было удовлетворено, несмотря на предполагаемое отсутствие некоторых документов (см. решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости жалобы по настоящему делу от 28 февраля 2002 г.).

- 80.** Далее государство-ответчик утверждает, что предложенный властями подход предоставляет достаточную компенсацию за испытания, выпавшие на долю заявителей в прошлом. По этому поводу оно приводит множество аргументов. Во-первых, государство-ответчик отмечает, что до 1989 года Аркадий Сысоев проходил действительную военную службу в подразделениях Вооруженных Сил СССР, дислоцированных на территории Латвии; вся его семья, следовательно, должна была знать, что в любое время его могли перевести на другое место службы. Когда он демобилизовался, заявители еще могли обоснованно полагать, что они живут в своей собственной стране, Советском Союзе, гражданами которой они являются, однако начиная с августа 1991 г. они не могли игнорировать тот факт, что отныне они живут в другом суверенном государстве, законы которого они должны соблюдать.
- 81.** Во-вторых, по поводу состояния неопределенности и горя, которое, как утверждают заявители, они испытывали в течение многих лет, государство-ответчик еще раз заявляет, что во многом это было вызвано их собственными действиями. В прошлом граждане бывшего Советского Союза, они не могли не знать об основных правилах регистрации по месту жительства, которые существовали с 1930-х гг., и, в частности, о том, что никто не мог быть прописан в двух разных местах одновременно. Зная об этом, они умышленно нарушили закон, предоставив властям ложные сведения; значит, им следовало просчитывать последствия своих действий. По мнению государства-ответчика, мошеннические действия заявителей в контексте их более чем реальных личных и семейных связей в России показывают, что они всерьез рассматривали возможность возвращения в эту страну; другими словами, регистрация по месту жительства в России для них была важнее, чем постоянное проживание в Латвии.
- 82.** В-третьих, государство-ответчик утверждает, что решение исключить имена заявителей из реестра жителей Латвии было законно и обоснованно с точки зрения и национального, и международного права; по этому поводу оно, в частности, ссылается на недавние труды Комиссии международного права ООН.
- 83.** Наконец, государство-ответчик оспаривает серьезность положения, в котором оказались заявители, как они сами описывают. Ссылаясь на документы, входящие в материалы дела, оно указывает, что, хотя все то время, о котором идет речь, заявители проживали в Латвии нелегально, им удалось получить две квартиры и гараж. Кроме того, третья заявительница без всяких сложностей получила высшее образование.
- 84.** Ввиду всего вышесказанного государство-ответчик приходит к выводу, что по делу не имело место никакого «вмешательства» в личную или семейную жизнь заявителей. В дополнение к этому оно утверждает, что заявители не могут — или уже не могут — претендовать на статус жертв нарушения требований статьи 8 Конвенции. В любом случае, государство-ответчик просит Европейский Суд признать спор разрешенным и исключить жалобу заявителей из списка подлежащих рассмотрению дел.

С. Доводы, представленные Европейскому Суду государством, выступающим по делу в качестве третьей стороны

- 85.** Власти Российской Федерации поддерживают доводы заявителей. Они тоже считают, что, несмотря на принятые властями Латвии меры по легализации положения заявителей, заявители по-прежнему могут претендовать на статус жертв нарушения требований статьи 8 Конвенции.
- 86.** Во-первых, так же как и заявители, власти Российской Федерации ссылаются на общий принцип, вытекающий из практики Европейского Суда, в силу которого заявители не могут лишиться статуса жертв нарушения Конвенции только в случае признания предполагаемого нарушения Конвенции и выплаты за него компенсации. Ни одно из этих условий не выполнено в настоящем деле. Что касается первого условия, то власти Латвии никогда не признавали факт нарушения Конвенции; если же говорить о втором условии, то лишь денежная компенсация может загладить ущерб, причиненный семье Сысоевых в настоящем деле.
- 87.** Во-вторых, власти Российской Федерации считают: даже мер, принятых государством-ответчиком в последнее время, недостаточно для того, чтобы загладить причиненный заявителям вред. В частности, второму заявителю и третьей заявительнице было предложено выдать лишь разрешения на временное проживание, тогда как на основании соглашения между Россией и Латвией от 30 апреля 1994 г. (см. выше, пункт 53 настоящего постановления) они имеют право на получение видов на жительство. Кроме того, так же как и заявители, власти Российской Федерации утверждают, что легализация статуса второго заявителя и третьей заявительницы продолжает зависеть от статуса первой заявительницы, Светланы Сысоевой.
- 88.** Далее власти Российской Федерации ссылаются на постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сливенко против Латвии» [*Slivenko v. Latvia*] (жалоба № 48321/99, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2003-X), сходному, как они считают, с настоящим делом. По их мнению, заявители стали жертвами политических изменений, не зависевших от их воли, а выпавшие на их долю испытания надо рассматривать в более широком контексте антироссийской политики властей Латвии с момента обретения этой страной независимости.

Д. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

- 89.** Прежде всего Европейский Суд отмечает: заявители считают, что Закон о негражданах и соглашение между Россией и Латвией от 30 апреля 1994 г. неправильно применялись в их деле. В связи с этим он вновь заявляет, что, согласно статье 19 Конвенции, его исключительной задачей является обеспечить выполнение обязательств, взятых на себя Договаривающимися Сторонами — участниками Конвенции. В частности, в его функции не входит рассматривать ошибки по вопросам факта или права, предположительно допущенные национальным судом, или подменять оценку обстоятельств дела национальными судами или другими национальными органами власти своей собственной оценкой, если только они не нарушили права и свободы, охраняемые Конвенцией, и лишь в той мере, в какой это могло произойти (см., например, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гарсия Руиз против Испании» [*García Ruiz v. Spain*], жалоба № 30544/96, § 28—29, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-I). Другими словами, Суд не может

ставить под вопрос оценку обстоятельств дела, данную национальными властями, если нет ясных доказательств произвола, а в настоящем деле они отсутствуют.

90. Далее Европейский Суд вновь подтверждает, что механизм защиты основных прав, предусмотренный Конвенцией, является вспомогательным по отношению к национальным системам защиты прав человека. Конвенция не предписывает Договаривающимся Государствам тот или иной конкретный способ обеспечения эффективной реализации Конвенции в национальных правовых системах. Выбор наиболее подходящих средств достижения этой цели в принципе остается за национальными властями, поддерживающими продолжительный контакт с жизнеобеспечивающими силами своих стран и находящимися в лучшем положении для того, чтобы оценить возможности и ресурсы, предоставляемые их соответствующими национальными правовыми системами (см. постановление Европейского Суда от 6 февраля 1976 г. по делу «Шведский профсоюз машинистов против Швеции» [*Swedish Engine Drivers' Union v. Sweden*], серия «А», № 20, стр. 18, § 50 и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чэпмен против Соединенного Королевства» [*Chapman v. the United Kingdom*], жалоба № 27238/95, § 91, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-I).
91. Этот принцип применяется к вопросам, связанным с иммиграцией, в не меньшей степени, чем в других сферах. Следовательно — и Европейский Суд несколько раз подтверждал это — статью 8 Конвенции нельзя толковать так, чтобы она гарантировала как таковое право на получение вида на жительство какого-то конкретного типа. В случае, когда национальное законодательство предусматривает виды на жительство нескольких различных типов, Суд должен проанализировать правовые и практические последствия выдачи того или иного вида на жительство. Если вид на жительство позволяет получившему его лицу проживать на территории принимающей страны и свободно осуществлять там право на уважение своей личной и семейной жизни, то выдачи такого вида на жительство в принципе достаточно для выполнения требований этой статьи Конвенции. В таких случаях Суд не вправе решать, должен ли лицу предоставляться именно тот, а не иной правовой статус, так как этот выбор относится к сфере исключительного усмотрения национальных властей (см. постановление Европейского Суда от 17 января 2006 г. по делу «Аристимуньо Мендизабаль против Франции» [*Aristimuño Mendizabal v. France*], жалоба № 51431/99, § 66; решение Европейского Суда от 29 апреля 2003 г. по делу «Дремлюга против Латвии» [*Dremlyuga v. Latvia*], жалоба № 66729/01; а также решение Европейского Суда от 15 мая 2003 г. по делу «Грибенко против Латвии» [*Gribenko v. Latvia*], жалоба № 76878/01; см. также решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости жалобы по настоящему делу от 28 февраля 2002 г.).
92. В настоящем деле государство-ответчик утверждает, что заявители не могут претендовать на статус жертв нарушения Конвенции. В связи с этим Европейский Суд вновь подтверждает, что слово «жертва» в контексте статьи 34 Конвенции указывает на лицо, непосредственно затронутое действием или бездействием, о котором идет речь (см., в числе многих других источников, постановление Европейского Суда от 28 ноября 1996 г. по делу «Нсона против Нидерландов» [*Nsona v. the Netherlands*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-V, стр. 2004—2005, § 106 и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумăреску против Румынии» [*Brumărescu v. Romania*], жалоба № 28342/95, § 50, Сборник постановлений и решений

Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-VII). Другими словами, лицо должно быть непосредственно им затронуто или подвергаться опасности того, что оно окажется непосредственно им затронутым (см., например, постановление Европейского Суда от 26 октября 1988 г. по делу «Норрис против Ирландии» [*Norris v. Ireland*], серия «А», № 142, стр. 15—16, § 30—31 и постановление Европейского Суда от 20 сентября 1994 г. по делу «Институт Отто Премингера против Австрии» [*Otto-Preminger-Institut v. Austria*], серия «А», № 295-A, стр. 15—16, § 39). Следовательно, нельзя претендовать на статус жертвы деяния, которое лишено, временно или навсегда, каких-либо правовых последствий.

93. В упомянутом выше постановлении по делу «Экле против Германии» Европейский Суд действительно пришел к выводу, что решений или мер, благоприятных для заявителя, недостаточно для того, чтобы лишить его статуса жертвы нарушения Конвенции, если только национальные власти не признали, в явной форме или по существу, факта нарушения Конвенции и не компенсировали потом причиненный им ущерб (там же, стр. 30—31, § 66; см. также постановление Европейского Суда от 25 июня 1996 г. по делу «Амуур против Франции» [*Amuur v. France*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-III, стр. 846, § 36; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Далбан против Румынии» [*Dalban v. Romania*], жалоба № 28114/95, § 44, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-VI; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» [*Labita v. Italy*], жалоба № 26772/95, § 142, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IV; а также решение Большой Палаты Европейского Суда от 4 июля 2001 г. по делу «Илашку и другие заявители против Молдавии и России» [*Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia*], жалоба № 48787/99). Однако если говорить более конкретно об особой категории дел, касающихся высылки из государства лиц, которые не являются его гражданами, Суд неизменно приходил к выводу, что заявитель не может претендовать на статус жертвы высылки, если высылка не может быть приведена в исполнение (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Вияннатан и Пуспараджа против Франции», стр. 87, § 46; см. также решение Европейского Суда от 18 января 2005 г. по делу «Пеллумби против Франции» [*Pellumbi v. France*], жалоба № 65730/01 и решение Европейского Суда от 1 марта 2005 г. по делу «Этанжи против Франции» [*Etanji v. France*], жалоба № 60411/00). Этой же позиции Суд придерживался и по делам, в которых исполнение распоряжения о высылке было приостановлено на неопределенный срок или же, наоборот, лишено каких-либо правовых последствий и в которых любое решение властей возобновить исполнение распоряжения о высылке могло быть обжаловано в соответствующие судебные инстанции (см. постановление Европейского Суда по делу «Калантари против Германии» [*Kalantari v. Germany*] (жалоба исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом), жалоба № 51342/99, § 55—56, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-X и постановление Европейского Суда по делу «Меми против Франции (№ 2)» [*Mehemi v. France (no. 2)*], жалоба № 53470/99, § 54, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2003-IV; см. также решение Европейского Суда от 23 февраля 1999 г. по делу «Андрич против Швеции» [*Andrić v. Sweden*], жалоба № 45917/99; решение Европейского Суда от 14 ноября

- 2000 г. по делу «Бенамар и другие заявители против Франции» [*Benamar and Others v. France*], жалоба № 42216/98; решение Европейского Суда от 18 января 2005 г. по делу «Дьемайли против Швейцарии» [*Djemailji v. Switzerland*], жалоба № 13531/03; а также решение Европейского Суда от 13 октября 2005 г. по делу «Йилдиз против Германии» [*Yildiz v. Germany*], жалоба № 40932/02).
- 94.** В данном деле Европейский Суд признаёт, что если и не с момента исключения заявителей из реестра жителей Латвии в мае 1996 г., то самое позднее с момента окончательного отклонения их жалобы по вопросам права в апреле 2000 г. члены семьи Сысовых пережили в Латвии период нестабильности и правовой неопределенности, который продолжался до ноября 2003 г. Тем не менее Суд не считает, что их положение было значительно более неопределенно, чем положение заявителей в большинстве сходных дел (см., в частности, упомянутые выше решения по делу «Панченко против Латвии», по делу «Михеева против Латвии» и по делу «Фёдорова и другие заявители против Латвии»). Во-первых, Суд отмечает, что в 1992 году и в 1995 году заявители по настоящему делу получили по два паспорта и зарегистрировались по месту жительства и в России, и в Латвии, не сообщив об этом соответствующим латвийским органам власти. По мнению Суда, это показывает, что возможное возвращение в Россию было вариантом, который они готовы были рассматривать. Более того, заявителям, несомненно, было известно, что их поведение — за которое им, к тому же, был впоследствии назначен штраф — нарушало действовавшее в то время законодательство Латвии. Соответственно, нельзя не прийти к выводу, что проблемы, с которыми они столкнулись после аннулирования первоначально выданных им разрешений на временное проживание, во многом явились результатом их собственных действий.
- 95.** Во-вторых, Европейский Суд отмечает, что первое конкретное предложение УГМ по легализации положения заявителей было сделано 11 ноября 2003 г. Соответственно, Суд испытывает очень большие сомнения, могут ли заявители настаивать на том, что «состояние неопределенности» сохранялось после этой даты. Наконец, из материалов дела ясно, что, несмотря на длительность нелегального проживания в Латвии, у второго заявителя была и остается оплачиваемая работа; тем временем третья заявительница смогла закончить высшее образование и получить диплом (см. выше, пункт 45 настоящего постановления).
- 96.** Тем не менее в настоящем деле Европейский Суд не считает необходимым ни приходить к какому-либо решению относительно того, могли ли заявители на момент подачи их жалобы претендовать на статус жертв нарушения требований статьи 8 Конвенции, ни даже определять, могут ли они претендовать на этот статус сегодня. В свете новых обстоятельств, доведенных до сведения Суда с 22 марта 2005 г. (см. выше, пункты 10 и 42 настоящего постановления), Суд полагает, что объективные основания продолжать рассмотрение этой жалобы отсутствуют по причине, изложенной ниже.
- 97.** Европейский Суд вновь подтверждает, что, согласно подпункту «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции, он может «<...> на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что <...> спор был урегулирован» <...> Для того чтобы убедиться в применимости этого положения к настоящему делу, Суд должен последовательно ответить на два вопроса: во-первых, существуют ли еще обстоятельства, на которые непосредственно жалуется заявитель, и, во-вторых, устранены ли также последствия возможного нарушения Конвенции в связи с этими обстоятельствами (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Пизано против Италии», § 42). В настоящем деле это, прежде всего, влечет за собой необходимость установить, существует ли еще опасность высылки заявителей; после этого Суд должен рассмотреть вопрос, достаточно ли принятых властями мер для того, чтобы загладить причиненный заявителям вред.
- 98.** Европейский Суд должен определить, достаточно ли легализация положения заявителей для устранения возможных последствий ситуации, на которую они жалуются в Суд. В отношении, прежде всего, первой заявительницы, Светланы Сысовой, Суд принимает к сведению письмо УГМ от 16 ноября 2005 г. (см. выше, пункт 43 настоящего постановления), согласно которому у первой заявительницы по-прежнему остается возможность легализовать свое пребывание в Латвии в соответствии с решением УГМ от 11 ноября 2003 г., то есть путем получения документа, удостоверяющего личность лица без гражданства, и, соответственно, вида на жительство. Таким образом, она смогла бы постоянно и на законных основаниях проживать в Латвии, вести при этом нормальную общественную жизнь и поддерживать отношения со своей семьей, в том числе с Татьяной Визуле и двумя ее детьми.
- 99.** Что касается двух других заявителей, Аркадия Сысова и Аксаны Сысовой, то Европейский Суд отмечает, что постановлением от 22 марта 2005 г. Кабинет министров Латвии отдал распоряжение Министру внутренних дел выдать им разрешения на временное проживание, действительные в течение пяти лет; как утверждает государство-ответчик, по истечении этого срока заявители могут подать заявления с просьбой выдать им виды на жительство. В отличие от того, что, по всей видимости, утверждают второй заявитель и третья заявительница, а также государство, выступающее по настоящему делу в качестве третьей стороны, Суд, в частности, отмечает, что легализация их статуса уже не зависит от статуса Светланы Сысовой, и поэтому каждый заявитель может легализовать свое пребывание в Латвии независимо от двух других.
- 100.** Коротко говоря, по состоянию на сегодняшний день заявителям не угрожает реальная и неминуемая опасность высылки из Латвии (см., *mutatis mutandis*¹, упомянутое выше постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Виянатан и Пуспараджа против Франции», стр. 87, § 46—47 и мнение Комиссии по правам человека, стр. 95, § 119).
- 101.** Европейский Суд отмечает, что, несмотря на неоднократные напоминания УГМ, ни один из заявителей так и не последовал рекомендациям последнего. В своих замечаниях, представленных в Большую Палату, заявители утверждают: они не располагают всеми документами, которые требуются для того, чтобы подать заявление с просьбой о выдаче вида на жительство, поэтому любая реакция с их стороны была бы бесполезна. Тем не менее Суд отмечает, что до настоящего времени они не предприняли ни малейших попыток вступить в контакт с властями и попробовать найти решение в случае возникновения каких-либо сложностей. С учетом всех материалов дела, вместе взятых, по состоянию на сегодняшний день, а также объяснений государства-ответчика Суд не видит никаких доказательств того, что последнее действовало недобросовестно.
- 102.** Коротко говоря, меры, на которые указывает государство-ответчик, позволили бы заявителям оставаться в Латвии и свободно осуществлять в этой стране право

¹ Mutatis mutandis (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

на уважение своей личной и семейной жизни в том виде, в каком оно охраняется статьей 8 Конвенции и интерпретируется в устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 24 апреля 1996 г. по делу «Бугханеми против Франции» [*Boughanemi v. France*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-II, стр. 607—608, § 35; постановление Европейского Суда от 7 августа 1996 г. по делу «С. против Бельгии» [*S. v. Belgium*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-III, стр. 922—923, § 25; постановление Европейского Суда от 21 октября 1997 г. по делу «Бужлифа против Франции» [*Boujlifa v. France*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-VI, стр. 2263, § 36; а также постановление Европейского Суда по делу «Бушеми против Италии» [*Buscemi v. Italy*], жалоба № 29569/95, § 53, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-VI). Следовательно, с учетом всех обстоятельств дела, имеющих отношение к рассматриваемому вопросу, Суд считает: описанные властями Латвии варианты легализации положения заявителей адекватны и достаточны для того, чтобы загладить причиненный им вред.

103. Учитывая все вышесказанное, Европейский Суд приходит к выводу, что оба условия, необходимые для применения подпункта «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции, соблюдены. Следовательно, спор, лежащий в основе рассматриваемой Судом жалобы, может в настоящее время считаться разрешенным в значении положений подпункта «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции. Наконец, никакие особые соображения, относящиеся к уважению прав человека, как их определяет Конвенция, не требуют, чтобы Суд продолжил рассмотрение жалобы по пункту 1 статьи 37 Конвенции *in fine*¹.

104. Соответственно, жалоба заявителей в части, имеющей отношение к статье 8 Конвенции, должна быть исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом.

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

105. Заявители жалуются в Европейский Суд на то, что допрос первой заявительницы латвийской полицией безопасности 6 марта 2002 г. являлся вмешательством государства в осуществление ими своего права на подачу индивидуальной жалобы в Европейский Суд по правам человека, нарушающим последнее предложение статьи 34 Конвенции. Статья 34 Конвенции гласит:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

А. Постановление Палаты Европейского Суда

106. В своем постановлении Палата Европейского Суда вначале констатировала несовпадение версий произошедшего, выдвигавшихся заявителями и государством-ответчиком. Не имея возможности проверить, насколько

содержание вопросов, заданных Светлане Сысоевой, соответствует действительности, она положила в основу своего анализа те факты, по которым между этими двумя версиями отсутствовали расхождения. Палата Суда приняла объяснение государства-ответчика, что основной темой допроса являлось не разбирательство дела заявителей в Страсбурге, а утверждение о коррумпированности должностных лиц УГМ. Палата Суда также отметила, что сотрудник полиции задал первой заявительнице несколько вопросов о жалобе, которую она подала в Европейский Суд, причем у Палаты возникли сомнения в их значимости для следствия. Тем не менее, учитывая все обстоятельства дела, имеющие отношение к рассматривавшимся вопросам, и, в частности, общий контекст, в котором проходил допрос, Палата Суда пришла к выводу, что допрос, о котором идет речь, не достиг достаточного уровня суровости для того, чтобы считать его формой «давления», «запугивания» или «притеснения», которое могло бы заставить заявителей отозвать жалобу, которую они подали в Европейский Суд, либо изменить ее содержание или воспрепятствовать им в осуществлении их права на подачу индивидуальной жалобы каким-либо иным образом. Поэтому Палата Суда решила, что по делу требования статьи 34 Конвенции нарушены не были.

В. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы, представленные Европейскому Суду заявителями

107. Заявители вначале утверждают, что ввиду их неустойчивого и уязвимого положения в Латвии и с учетом «репутации [полиции] безопасности» в обществе, вызов в это учреждение сам по себе в их случае мог вызвать страх ареста и высылки из страны. Сходным образом, учитывая характер вопросов, которые задавал первой заявительнице сотрудник полиции, допрос, о котором идет речь, представлял собой попытку оказать на нее давление и запугать ее психологически до такой степени, чтобы она отозвала жалобу, поданную ей в Европейский Суд. По мнению заявителей, с того момента, как их жалобы были объявлены приемлемыми для рассмотрения по существу, они должны были считаться находящимися под защитой Суда. Это, в частности, предполагает, что национальные власти должны воздерживаться от любых действий, способных подорвать принцип равенства сторон по рассматриваемому Судом делу. Спрашивая первую заявительницу о том, как она нашла адвокатов, и угрожали ли ей эти адвокаты, латвийская полиция безопасности нарушила этот принцип. Вопросы такого характера совершенно не относятся к необходимости расследования возможных случаев коррупции, на что ссылается государство-ответчик.

108. Заявители утверждают, что объяснения, представленные государством-ответчиком по этому поводу, неубедительны. Во-первых, расследованиями по делам, связанным с коррупцией, обычно занимается другое полицейское ведомство (уголовная полиция). Во-вторых, заявители жалуются на то, что при допросе первой заявительницы отсутствовал ее адвокат. В-третьих, они отмечают, что содержание допроса не отражено ни в одном официальном протоколе.

109. Далее заявители во время рассмотрения дела Палатой Суда сообщили, что им стало известно о плане властей Латвии использовать против них иные меры принуждения, в том числе «арестовать их и посадить в тюрьму».

¹ In fine (лат.) — в конце (примечание редакции).

Кроме того, они утверждали, что их телефонные разговоры регулярно прослушиваются.

2. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

110. Государство-ответчик подвергает сомнению утверждение заявителей, будто бы допрос, о котором идет речь, был направлен на то, чтобы заставить первую заявительницу отозвать жалобу, которую она подала в Европейский Суд. В связи с этим оно указывает: в своем интервью российским журналистам первая заявительница публично утверждала, что нескольким людям, которые не имели вида на жительство и находились практически в той же ситуации, что и она сама, удалось легализовать свой статус, дав взятки некоторым должностным лицам УГМ. По этому заявлению латвийская полиция безопасности начала предварительное следствие на основании того, что утверждения заявительницы, если будет доказано, что они соответствуют действительности, выявляют тяжкое преступление, предусмотренное Уголовным кодексом Латвии. Государство-ответчик обращает особое внимание на то, что допрос, о котором идет речь, был абсолютно законен, так как латвийская полиция безопасности имеет право принимать подобные меры.

111. Следовательно, допрос заявительницы относился не к жалобе, которую она подала в Европейский Суд, а исключительно к обсуждавшимся в ходе допроса предполагаемым коррупционным действиям должностных лиц УГМ. Поскольку заявительницу вызывали и допрашивали в качестве простого свидетеля, присутствия адвоката не требовалось; тем не менее, если бы она захотела, чтобы ее сопровождал адвокат, то она могла бы попросить об этом.

112. Государство-ответчик признаёт, что некоторые из тех вопросов, которые задавал сотрудник полиции первой заявительнице, явно касались разбирательства дела заявителей в Страсбурге. Однако оно считает эти вопросы логичными, поскольку первая заявительница утверждала, что она узнала о существовании коррупции в процессе подготовки своей жалобы в Европейский Суд. В любом случае, содержание вопросов не может считаться попыткой запугивания. В подкрепление своих доводов государство-ответчик представило копию письма, отправленного начальником латвийской полиции безопасности Уполномоченным Латвийской Республики при Европейском Суде по правам человека 16 июля 2002 г., в котором говорится:

«...» Мы хотим сообщить вам, что 6 марта 2002 г. в соответствии с обязательствами, предусмотренными статьей 15 Закона об учреждениях государственной безопасности, в том числе с обязательствами, имеющими отношение к борьбе с коррупцией, со Светланой Сысоевой была проведена беседа по поводу известных ей случаев коррупции.

[Эта] беседа не может считаться допросом, [так как] она не сопровождалась ведением процессуального протокола, а г-жа Сысоева отказалась сообщить сведения об известных ей людях, предположительно предлагавших взятки должностным лицам <...>

<...>

В начале беседы г-же Сысоевой был задан вопрос о том, располагает ли она какой-либо информацией о случаях активной коррупции в государственных органах. Она ответила, что она знает несколько русскоговорящих лиц, которые дали взятки с целью получения видов на жительство в Латвии и паспортов «[постоянно проживающих в стране] неграждан».

Г-же Сысоевой было предложено назвать имена этих лиц, но она отказалась это сделать, заявив, что опасается конфискации у них видов на жительство и паспортов «неграждан» в ходе расследования по фактам коррупции.

Во время беседы г-же Сысоевой был задан вопрос о том, какие проблемы побудили ее подать жалобу в Европейский Суд по правам человека. Она ответила, что эти проблемы начались в 1996 году с начальника территориального подразделения <...> [УГМ], г-на [С.Р.], отказавшегося выдать ей вид на жительство в Латвии и паспорт «негражданина». Несколько судебных разбирательств она проиграла; по этой причине она решила обратиться к помощи Европейского Суда по правам человека». <...>

113. В свете вышеизложенного государство-ответчик приходит к выводу, что допрос, о котором идет речь, в общем и целом не был связан с обращением первой заявительницы в Европейский Суд как таковым и, следовательно, не может считаться вмешательством государства в осуществление ей своего права на подачу индивидуальной жалобы. Кроме того, государство-ответчик полагает, что прочие утверждения заявителей, касающиеся возможности их ареста и предполагаемого прослушивания их телефонных разговоров, не основаны на фактах.

С. Доводы, представленные Европейскому Суду государством, выступающим по делу в качестве третьей стороны

114. Власти Российской Федерации полагают, что, учитывая содержание вопросов, которые сотрудник латвийской полиции безопасности задавал первой заявительнице, обжалуемый по делу допрос представлял собой явное психологическое давление, связанное с настоящей жалобой в Европейский Суд, тем более серьезное потому, что первую заявительницу и второго заявителя вызывали на допрос в ноябре 2005 г. Они утверждают, что из-за особой роли, которую играли органы государственной безопасности в бывшем Советском Союзе, у большинства людей, живших при советской власти, эти органы вызывали и продолжают вызывать исключительно сильный страх. Ссылаясь по этому поводу на постановление Европейского Суда от 13 апреля 2006 г. по делу «Федотова против России» [*Fedotova v. Russia*] (жалоба № 73225/01, § 48—52), власти Российской Федерации в своих аргументах настаивают на том, что допрос, о котором идет речь, сам по себе был незаконен. В материалах дела нет никаких подтверждений довода государства-ответчика о том, что основной темой беседы была коррумпированность некоторых должностных лиц; наоборот, воспроизведенный первой заявительницей диалог ясно показывает, что латвийская полиция безопасности пыталась ее запугать. Что касается содержания этого диалога, то власти Российской Федерации не видят никаких причин ставить под сомнение точность сделанной заявительницей записи беседы, обращая внимание на то, что государство-ответчик не представило никакого официального отчета об этой беседе или протокола допроса.

Коротко говоря, власти Российской Федерации уверены, что допрос был направлен, прежде всего, на то, чтобы запугать заявителей, вынудив их отозвать жалобу, которая на тот момент ожидала своего рассмотрения в Суде, а это нарушает последнее предложение статьи 34 Конвенции.

Д. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

115. Европейский Суд вновь подтверждает, что для эффективного функционирования системы подачи и рассмот-

рения индивидуальных жалоб, установленной статьей 34 Конвенции, крайне важно, чтобы заявители или потенциальные заявители могли свободно осуществлять контакты с Судом, не подвергаясь при этом давлению со стороны властей в какой бы то ни было форме с целью заставить их отозвать свои жалобы или изменить их содержание (см. постановление Европейского Суда от 16 сентября 1996 г. по делу «Акдивар и другие заявители против Турции» [*Akdivar and Others v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-IV, стр. 1219, § 105; постановление Европейского Суда от 25 мая 1998 г. по делу «Курт против Турции» [*Kurt v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-III, стр. 1192, § 159; постановление Европейского Суда от 28 июля 1998 г. по делу «Эрги против Турции» [*Ergi v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-IV, стр. 1784, § 105; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» [*Salman v. Turkey*], жалоба № 21986/93, § 130, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-VII).

- 116.** Под словом «давление» следует понимать не только прямое принуждение и вопиющие акты запугивания заявителей, их семей или законных представителей, но и иные неправомерные косвенные действия или контакты, направленные на то, чтобы отговорить их от использования конвенционных средств правовой защиты или помешать им воспользоваться этими средствами. Вопрос о том, являются ли контакты властей с заявителем либо с потенциальным заявителем неприемлемыми с точки зрения статьи 34 Конвенции или нет, должен решаться с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого Судом дела. В этом вопросе надлежит принимать во внимание степень уязвимости лица, подавшего жалобу в Европейский Суд, и его подверженность влиянию властей (см., например, постановление Европейского Суда от 23 сентября 1998 г. по делу «Петра против Румынии» [*Petra v. Romania*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-VII, стр. 2854—2855, § 43; постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 г. по делу «Ассенов и другие заявители против Болгарии» [*Assenov and Others v. Bulgaria*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-VIII, стр. 3304, § 170; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрыкулу против Турции» [*Tanrikulu v. Turkey*], жалоба № 23763/94, § 130, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-IV).
- 117.** В настоящем деле стороны не оспаривают, что 6 марта 2002 г. первую заявительницу, Светлану Сысоеву, вызвали в управление латвийской полиции безопасности, где один из полицейских задал ей множество вопросов, касающихся, в частности, жалобы, которую она подала в Европейский Суд. В связи с этим Европейский Суд не считает необходимым рассматривать вопрос о том, являлась ли эта беседа официальным допросом с точки зрения законодательства Латвии.
- 118.** Относительно точного содержания вопросов, которые задавал сотрудник полиции, Европейский Суд отмечает, что по окончании допроса не было составлено официального протокола. Единственным документом, представленным в связи с этим первой заявительницей, является запись, сделанная ей самой по памяти примерно через месяц после беседы, причем государство-ответчик оспаривает точность этой записи. Со своей стороны, госу-

дарство-ответчик представило копию письма начальника латвийской полиции безопасности, кратко описывающего цель допроса и порядок его проведения. В условиях отсутствия более убедительных доказательств Суд не может проверить, насколько содержание вопросов, заданных первой заявительнице, соответствует действительности; однако он будет считать установленными те факты, по которым в этих двух документах отсутствуют расхождения.

- 119.** Из обоих документов ясно, что за несколько дней до допроса первая заявительница дала российскому телеканалу интервью, в котором она упомянула ряд случаев коррупции среди должностных лиц УГМ. Поскольку коррупция государственных служащих уголовно наказуема и является тяжким преступлением, заявительница должна была бы разумно ожидать, что полиция или прокуратура проявят интерес к ее утверждениям. Также этот допрос, по-видимому, соответствовал национальному законодательству, дающему полиции безопасности право расследовать дела, связанные с коррупцией, и собирать информацию о подозреваемых в ней лицах (см. выше, пункт 58 настоящего постановления). Соответственно, Европейский Суд принимает объяснение государства-ответчика, что главной темой допроса являлось не разбирательство дела заявителей в Страсбурге, а утверждение о коррумпированности должностных лиц УГМ (в качестве примера обратной ситуации см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Федотова против России», § 49—50).
- 120.** Тем не менее факт остается фактом: в ходе беседы с первой заявительницей сотрудник полиции задал ей несколько вопросов о жалобе, которую она подала в Европейский Суд. В отличие от государства-ответчика, утверждающего, что эти вопросы оправдывались следственными нуждами, Суд испытывает серьезные сомнения в их необходимости и значимости для следствия, а также с трудом усматривает связь между коррупционными действиями, предположительно совершенными неустановленными третьими лицами, и настоящей жалобой. В связи с этим Суд вновь подтверждает: даже если у государства-ответчика есть основания полагать, что в том или ином случае нарушается право на подачу индивидуальной жалобы, с его стороны будет правильно предупредить об этом Суд и сообщить ему о своих опасениях (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрыкулу против Турции», § 131 и постановление Европейского Суда от 18 июня 2002 г. по делу «Орхан против Турции» [*Orhan v. Turkey*], жалоба № 25656/94, § 409). Поэтому, спрашивая первую заявительницу о причинах, по которым она подала жалобу в Европейский Суд, сотрудник латвийской полиции безопасности в значительной степени вышел за рамки следственной необходимости.
- 121.** Как Европейский Суд заметил выше, при определении того, нарушило ли государство свои обязательства по статье 34 Конвенции, необходимо принимать во внимание все обстоятельства дела. В настоящем деле Суд отмечает, что допрос первой заявительницы вообще и заданные ей вопросы в частности имеют второстепенное значение. В материалах дела нет указаний на то, что власти Латвии предприняли попытку вызвать заявительницу во второй раз (в качестве примера обратной ситуации см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Эрги против Турции», стр. 1761—1762 и стр. 1784, § 26—28 и § 105). Далее латвийская полиция безопасности, по-видимому, не принуждала первую заявительницу давать показания о ее жалобе в Европейский Суд или о предполагаемых коррупционных действиях, которые и

были основной темой допроса. Напротив, отказ заявительницы назвать имена должностных лиц, предположительно получивших взятки, был воспринят с уважением и не повлек за собой никаких правовых последствий для нее. Кроме того, презюмируя точность записи разговора, сделанной первой заявительницей, Суд отмечает, что сотрудник полиции беседовал с заявительницей вежливо и не прибегал к выражениям, намекам или измышлениям, чтобы угрожать ей или даже отговорить ее добиваться рассмотрения своего дела в Европейском Суде (в качестве примера обратной ситуации см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Петра против Румынии», стр. 2855, § 44).

122. Также, взглянув на ситуацию в целом, Европейский Суд отмечает, что вопросы, которые задавал сотрудник полиции, не имели своей целью заставить заявительницу раскрыть содержание документов, входящих в материалы дела заявителей, нарушить тайну их переписки с Судом или поставить под сомнение достоверность жалобы, поданной ими в Европейский Суд, либо их способность вести производство по делу (в качестве примера обратной ситуации см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрыкулу против Турции», § 131).

123. Наконец, Европейский Суд считает, что он не может не принимать во внимание общий контекст, в котором имел место допрос, являющийся предметом спора. Действительно, рассматривая множество дел, в которых власти задавали заявителям вопросы об их жалобах, Суд приходил к выводу о том, что соответствующее государство нарушило свои обязательства по статье 34 Конвенции (или, в прежней редакции, по пункту 1 статьи 25 Конвенции) (см. упомянутые выше постановления Европейского Суда по делу «Акдивар и другие заявители против Турции», стр. 1219, § 105; по делу «Курт против Турции», стр. 1192—1193, § 160; по делу «Танрыкулу против Турции», § 130; а также по делу «Орхан против Турции», § 407; см. также постановление Европейского Суда от 16 ноября 2000 г. по делу «Бильгин против Турции» [*Bilgin v. Turkey*], жалоба № 23819/94, § 133; постановление Европейского Суда от 30 января 2001 г. по делу «Дулаш против Турции» [*Dulaş v. Turkey*], жалоба № 25801/94, § 79; а также постановление Европейского Суда от 31 мая 2001 г. по делу «Акдениз и другие заявители против Турции» [*Akdeniz and Others v. Turkey*], жалоба № 23954/94, § 118). Тем не менее, принимая во внимание особые обстоятельства вышеупомянутых дел, Суд не видит указаний на то, что какие-либо сходные факторы существуют в деле заявителей.

124. В общем, с учетом оговорок, сформулированных выше, в пункте 120, и принимая во внимание все обстоятельства дела, имеющие отношение к рассматриваемому вопросу, Европейский Суд полагает: в деле недостаточно доказательств для вывода о том, что допрос первой заявительницы сотрудником латвийской полиции безопасности 6 марта 2002 г. следует считать формой «давления», «запугивания» или «притеснения», которое могло бы заставить заявителей отозвать жалобу, поданную ими в Европейский Суд, либо изменить ее содержание или воспрепятствовать им в осуществлении их права на подачу индивидуальной жалобы каким-либо иным образом.

125. Наконец, по поводу предполагаемого прослушивания телефонных разговоров заявителей Европейский Суд отмечает, что это всего лишь недоказанное утверждение, не имеющее под собой никаких оснований (см. постановление Европейского Суда от 8 февраля 2000 г. по делу «Майкл Эдвард Кук против Австрии» [*Michael Edward Cooke v. Austria*], жалоба № 25878/94, § 48). Это отно-

сится и к жалобе о том, что власти Латвии намеревались посадить заявителей в тюрьму.

126. Следовательно, государство-ответчик не нарушало своих обязательств, вытекающих из последнего предложения статьи 34 Конвенции.

IV. ПО ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

127. На слушаниях дела заявители и власти Российской Федерации просили Европейский Суд по своей собственной инициативе поднять вопрос о применении положений статьи 18 Конвенции и констатировать, что в настоящем деле властями государства-ответчика было допущено нарушение требований этой статьи, как и в деле «Гусинский против России» [*Gusinskiy v. Russia*] (жалоба № 70276/01, § 70—78, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2004-IV). Статья 18 Конвенции гласит:

«Ограничения, допускаемые в [настоящей] Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

128. По мнению заявителей, власти Латвии злоупотребили своими полномочиями по вмешательству в осуществление прав человека, предоставленными им пунктом 2 статьи 8 Конвенции, так как обжалуемое по делу вмешательство государства в осуществление заявителями своих прав, о котором идет речь в деле, не было необходимо для достижения одной или нескольких целей из тех, которые упоминаются в этом пункте. Истинной целью властей, которую они преследовали с 1993 года и для достижения которой они сделали все, что в их силах, было лишение заявителей их права на постоянное проживание в Латвии. Власти Российской Федерации согласны с этим доводом.

129. Оставляя в стороне вопрос о том, вправе ли еще заявители и власти Российской Федерации обращаться с таким ходатайством к Большой Палате или же срок для подобного рода ходатайств уже истек, Европейский Суд не видит никаких доказательств того, что власти Латвии злоупотребили своими полномочиями, применив разрешенное Конвенцией ограничение для иных целей, нежели те, для которых оно было предусмотрено. В этом отношении Суд не видит сходства между настоящим делом и упомянутым выше делом «Гусинский против России», в котором содержание заявителя под стражей было признано отчасти мотивированным иными соображениями, нежели те, которые предусмотрены Конвенцией. В этих обстоятельствах ввиду всех своих выводов, изложенных выше, Суд не видит оснований поднимать по своей собственной инициативе вопрос о применении статьи 18 Конвенции.

V. ПО ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖЕК

130. Пункт 4 правила 43 Регламента Европейского Суда предусматривает следующее:

«В случае исключения жалобы из списка подлежащих рассмотрению дел вопрос о судебных издержках решается по усмотрению Суда». <...>

131. Европейский Суд вновь подтверждает, что исключение настоящей жалобы из списка подлежащих рассмотрению дел, о чем он только что распорядился, является лишь

частичным, так как относится только к жалобе на предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции (см. выше, пункт 104 настоящего постановления). Тем не менее Суд все-таки считает необходимым решить вопрос о применении пункта 4 правила 43 своего Регламента.

132. Как и при рассмотрении дела Палатой Суда, заявители требуют выплатить им сумму в размере 36 тысяч 736 латов (приблизительно 55 тысяч 800 евро) в качестве компенсации причиненного им морального вреда и две тысячи 422 лата 21 сантим (приблизительно 3 тысячи 680 евро) в качестве возмещения понесенных ими судебных издержек и расходов. В связи с этим Европейский Суд вновь подтверждает, что, согласно статье 41 Конвенции, он может присудить справедливую компенсацию «потерпевшей стороне» лишь в том случае, если он ранее «[объявил] что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней», а в настоящем деле Суд этого не сделал. Соответственно, согласно пункту 4 правила 43 своего Регламента, Суд может принять лишь решение о возмещении заявителям судебных издержек и расходов.

133. Европейский Суд вновь подтверждает, что общие принципы возмещения судебных издержек по пункту 4 правила 43 Регламента Европейского Суда, по сути, ничем не отличаются от принципов возмещения судебных издержек по статье 41 Конвенции (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Пизано против Италии», § 53—54). Другими словами, для возмещения судебных издержек необходимо, чтобы они относились к предполагаемому нарушению или нарушениям Конвенции и не превышали разумных пределов. Кроме того, согласно пункту 2 правила 60 Регламента Европейского Суда, все предъявляемые в соответствии со статьей 41 Конвенции требования представляются в подробном перечне по пунктам с приложением соответствующих подтверждающих документов или квитанций; в противном случае Суд вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично (см., например, постановление Европейского Суда от 28 ноября 2002 г. по делу «Лавентс против Латвии» [*Lavents v. Latvia*], жалоба № 58442/00, § 154). Помимо этого, из особенностей построения пункта 4 правила 43 Регламента Европейского Суда становится ясно, что, когда Большая Палата принимает решение о возмещении судебных издержек, она должна при этом ссылаться на всю процедуру разбирательства дела в Европейском Суде, включая этапы рассмотрения дела до его передачи в Большую Палату.

134. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что в ходе рассмотрения дела Палатой Суда заявителям в рамках оказания им юридической помощи были компенсированы расходы, связанные с представлением их дела к слушанию, подготовкой замечаний и дополнительных комментариев, проведением переговоров по достижению мирового соглашения по делу, а также расходы, связанные с работой Секретариата Европейского Суда. Суд обращает внимание на то, что с тех пор заявители не выдвигали никаких особых требований по возмещению расходов, в частности, расходов, связанных с рассмотрением дела Большой Палатой. Соответственно, в

отсутствие каких-либо новых расходов, которые могли бы быть присовокуплены к уже произведенным, Суд принимает решение не возмещать заявителям судебные издержки и расходы.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. постановил, что спор, лежащий в основе поданной заявителями жалобы на предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции, разрешен, и решил исключить жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел в части, имеющей отношение к упомянутой статье Конвенции (принято шестнадцатью голосами «за» и одним голосом «против»);

2. постановил, что государство-ответчик не нарушило своих обязательств по статье 34 Конвенции (принято единогласно).

Совершено на английском языке и на французском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 15 января 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Майкл О'Бойл,
Заместитель Секретаря
Секции Суда

Люциус Вильдхабер,
Председатель
Большой Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение г-на Б. Зупанчича.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Б. ЗУПАНЧИЧА

Основания, по которым я не согласен с тем, что заявители утратили статус жертв нарушения Конвенции, совпадают, *mutatis mutandis*, с основаниями, которые привела Первая Секция Суда в своих постановлениях по делу «Шеванова против Латвии» [*Shevanova v. Latvia*] (жалоба № 58822/00, § 42—50) и по делу «Кафтаилова против Латвии» [*Kaftailova v. Latvia*] (жалоба № 59643/00, § 45—52), вынесенных соответственно 15 и 22 июня 2006 г.

В силу явного противоречия между выводами, к которым пришел Европейский Суд в деле «Сысоева против Латвии» и в этих двух делах, последние были переданы на пересмотр в Большую Палату. Тем не менее доводы, содержащиеся в обоих упомянутых постановлениях Первой Секции Суда, для меня в полной мере убедительны.

Отныне результат рассмотрения дела «Сысоева против Латвии» будет иметь для нас обязательную силу. Однако в ходе совещания судей по настоящему делу и голосования по нему мы пока еще не должны были ему следовать.

Поэтому я выражаю свое несогласие с мнением большинства судей.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

Настоящий перевод выполнен и опубликован при финансовой поддержке Совета Европы